

96128

E-73

88285

kp - p. cp.

04/4/8

ПР 48г

17

Начальник станции

Сб. № 29

В ПОРЯДКЕ

ВОЗН

73. F-73 9(с/38) 4
E-73
Библиотека для семьи и школы.

В. С. Ермиловъ.

ВЕЛИКІЙ АРТИСТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ

Михаилъ Семеновичъ

Щелкижъ.

Изданіе Японіи Россіи

88285
И Н В. №
Цѣна 40 к.

Москва. — 1916.

9 (138) + 99

PH 3 W

99
E-74

№ 251
97.1

Библиотека для семьи и школы.

W 1459

В. Б. Ермиловъ.

ВЕЛИКІЙ АРТИСТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ

Михаилъ Семеновичъ

Щелкижъ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

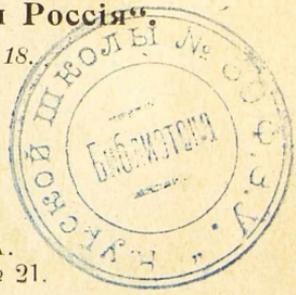
Съ портретомъ.

О. О. У. К. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библиотеки город. по Положенію 1872 г. учил. и въ бесплатн. народн. библ. и читал. (Отн. № 36351, отъ 29 декабря 1910 г.).

ИНВ. № 2448

4-е изданіе редакціи журнала „Юная Россія“

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.
АРБАТЬ, НИКОЛЬСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 21.
1916.

80
PF-5

~~Handwritten scribble~~

Handwritten scribble

Handwritten scribble

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

№ 4

№ 1459

I.

Миша Щепкинъ въ училищѣ. — Дѣтскій спектакль. — Первые проблески таланта. — Похвала городничаго. — Маленькій театръ. — Школьные испытанія.

Миша Щепкинъ — ученикъ уѣзднаго училища города Суджи, Курской губерніи. Вотъ онъ однажды принесъ въ классъ книгу подъ заглавіемъ „Комедія Вздорщица“, сочиненіе Сумарокова. Это обстоятельство послужило поводомъ къ событію, играющему весьма важную роль въ исторіи его артистической карьеры.

Какъ увидали товарищи Щепкина эту книгу, такъ засыпали его вопросами: что такое здѣсь разсказано? что значитъ „комедія“? и т. п.

Слово „комедія“ возбудило въ толпѣ этихъ дѣтей большую сенсацію. Они никогда не видали театра и не имѣли понятія о сценѣ. А Щепкинъ одинъ разъ видѣлъ представленіе на сценѣ и потому принялся имъ растолковывать, въ чемъ дѣло. Комедію, — объяснилъ онъ имъ, — представляютъ нѣсколько человѣкъ: каждый выучитъ слова одного какого-нибудь лица, — ну вотъ и играютъ всѣ вмѣстѣ, и выходитъ такъ ловко, словно все то, что написано въ комедіи, происходитъ на самомъ дѣлѣ, а не выдуманно сочинителемъ.

Но бѣдному Щепкину никто не повѣрилъ. Всѣмъ показалось какъ-то смѣшно: ну, развѣ возможно по книгѣ дѣлать представленіе, да еще въ нѣсколько человѣкъ? Щепкинъ разгорячился, заспорилъ, началъ кричать и поднялъ такой гвалтъ, что учитель, который преспокойно спалъ въ сосѣдней комнатѣ, проснулся.

Отворяется дверь и высовывается заспанная фізіономія. Учитель такъ сердито смотритъ на разбудившихъ его ребятъ, что каждому становится жутко. На испуганныхъ глазахъ дѣтей вы читаете мысль:— „Батюшки мои, сейчасъ велитъ подать розогъ!“—Одинъ Щепкинъ не оробѣлъ: ему было не до страха. Его мучило чувство обиды, которую ему нанесли товарищи, когда не вѣрили его словамъ и предавали его осмѣянію. Онъ стремительно направилъ свои быстрые шаги къ учителю и со слезами на глазахъ, весь взволнованный, приноситъ ему свою жалобу.— „Помилуйте, разсудите насъ“,— говоритъ онъ: — „на меня напалъ весь классъ и смѣется надо мной за то, что я объ этой книгѣ „Комедія Вздорщица“ (тутъ онъ показалъ на книгу, которую держалъ въ рукѣ) сказалъ, что ее можно играть такъ, какъ будто бы все это не написано, а въ самомъ дѣлѣ случилось“.

Когда Миша Щепкинъ это рассказывалъ, мальчишки смотрѣли на него съ насмѣшкой, какъ бы думая:— „Вотъ дуракъ! вѣдь самъ же напрашивается на розгу. И подѣломъ: впередъ не ври!“

А учитель внимательно слушалъ жалобную рѣчь Миши, все болѣе и болѣе улыбался, да вдругъ какъ примется хохотать, что есть мочи. Это ободрило ребятъ: ихъ лица еще болѣе повеселѣли; и они сами,

кажется, готовы были расхохотаться, да только неловко было при учителѣ.

Но каково же было ихъ удивленіе, когда учитель, нахохотавшись вволю, вдругъ обратился къ этимъ самымъ насмѣшникамъ и сказалъ имъ:— „Глупые вы, глупые! какъ же вы спорите о томъ, чего не знаете? Щепкинъ правъ: это, точно, комедія, и ее можно сыграть такъ, что другіе примутъ ее за дѣйствительность“.— Тутъ онъ прибавилъ, что есть еще драмы, трагедіи, оперы, которыя тоже можно играть, и началъ рассказывать о московскихъ актерахъ, которые все это очень хорошо представляютъ.

Послѣ такого неожиданнаго оборота вещей мальчишки, названные „глупыми“, перестали улыбаться, утихли и сконфузились. А Миша не только успокоился, но даже гордо поднялъ голову и побѣдоносно посматривалъ на своихъ противниковъ.

Затѣмъ начался урокъ, и въ первый разъ за класомъ дѣти чувствовали себя такъ хорошо. Это потому, что разговоръ о театрѣ увлекъ самого учителя, и онъ въ продолженіе всего урока безпрестанно возвращался къ одному и тому же: ему хотѣлось говорить о комедіяхъ да о трагедіяхъ. И онъ такъ интересно рассказывалъ, что ребятамъ даже стало досадно, когда прозвонилъ звонокъ. Въ первый разъ мальчуганы съ удовольствіемъ слушали своего учителя. А то прежде уроки его всегда бывали такъ скучны, что всякій ждетъ не дождется, скоро ли прозвонитъ звонокъ.

Сходя съ кафедры, учитель обратился къ дѣтямъ:
— Вотъ, глупые! вмѣсто того, чтобы бѣгать по

улицамъ да биться на кулачки или другими подобными занятіями убивать время, не лучше ли было бы, если бы вы разучили эту комедію да передъ роиспускомъ на масленицѣ сыграли бы ее у меня; а времени, кажется, не мало: по средамъ и субботамъ послѣ обѣда классовъ не бываетъ за неимѣніемъ рисовальнаго учителя. Такъ вотъ сошлись бы да сладили бы хорошенько. Только съ уговоромъ: не шумѣть!

Трудно описать восторгъ учениковъ, когда учитель сдѣлалъ имъ такое предложеніе. Они всѣ въ одинъ голосъ закричали:

— Если вы это позволите, то мы сейчасъ же эту комедію разучимъ.

Съ радостными лицами возвращались дѣти домой, мечтая участвовать въ спектаклѣ. Дорогою каждый старался оправдаться передъ Щепкинымъ, что несправедливо на него нападалъ. Одни открыто сознавались, что они спорили о томъ, чего не знали, а другіе въ свое оправданіе прибѣгали къ хитрымъ уверткамъ:— „Мы“, дескать, „знали, что такое комедія, но только подразнили тебя за то, что ты хотѣлъ показать себя умнѣе другихъ“.

Но добрый мальчикъ не могъ долго сердиться. Онъ даже самъ какъ-то сконфузился: ему было неловко, что они чувствуютъ себя передъ нимъ виноватыми и стараются какъ-будто извиняться. Да ему, наконецъ, и не до того было, чтобы вспоминать объ обидахъ да о спорахъ. Онъ весь ушелъ въ мечтанія о будущемъ спектаклѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидалъ на домашнемъ театрѣ представленіе оперы, онъ страстно полюбилъ сцену. Долго послѣ того онъ

бредилъ театромъ: ему наяву мерещились воображаемыя декорации, шумный оркестръ, сцена и актеры.

И вдругъ этому восторженному любителю театра открывается случай не только снова увидѣть сцену, но даже самому участвовать въ представленіи. Можно себѣ вообразить его радость! Однако изрѣдка его горячія мечтанія расхолаживались сомнѣніями. Онъ боялся, что ему не придется играть, потому что въ комедіи было всего восемь лицъ, а учащихся въ классѣ обо-его пола было до 60 человѣкъ. Приуныль бѣдный мальчикъ, думаетъ:— „Какъ же это? всѣмъ играть невозможно; какъ же это будетъ? Кто же укажетъ, кому именно играть? Вѣроятно, будутъ назначаться старшіе ученики, и, очень легко можетъ статься, мнѣ не дадутъ никакой роли. Много есть дѣтей дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, которые всѣ далеко выше моего званія, и эти дѣти, вѣроятно, будутъ предпочтены“.—Надо объяснить, что Миша былъ сынъ крѣпостного крестьянина, принадлежавшаго семейству графа Волькенштейнъ. То, что мы описываемъ, происходило больше ста лѣтъ тому назадъ.

Итакъ, много мучился душой мальчикъ, раздумывая, придется ли ему играть или нѣтъ. Имъ уже начинала овладѣвать тоска. У него была сестра, учившаяся вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ училищѣ. Онъ принялся передъ ней горячо изливать свою душу. Но вдругъ мрачное лицо его начинаетъ проясняться. Онъ улыбается, смѣется.— „Не все пропало“,—думается ему. У него есть преимущество передъ большинствомъ одноклассниковъ. Дѣло въ томъ, что хотя онъ и крѣпостной крестьянинъ, да зато состоитъ

въ числѣ первыхъ учениковъ. Нѣтъ, — думается ему, — быть не можетъ, чтобы ему не дали роли. И ужъ какъ же онъ будетъ хорошо играть! Съ такими мыслями въ головѣ мальчикъ легъ спать.

Что было на другой день, объ этомъ мы приведемъ слова самого Щепкина, который на старости лѣтъ описалъ это въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Отправясь въ обыкновенное время утромъ въ училище, мы увидѣли съ сестрой на первомъ перекресткѣ двухъ учениковъ, которые преисправно таскали другъ друга за волосы, приговаривая: — „Врешь, ты не будешь играть, а я буду!..“ — „Нѣтъ, ты не будешь, а я буду! Третьяго дня учитель былъ у насъ въ гостяхъ, и батюшкѣ стоитъ только слово сказать, я и буду играть“...— „А все-таки не будешь: моя матушка отнесла ему вчера гостинецъ, полъ-пуда меду; она только слово пикнетъ, и я буду непременно играть“.

„Когда же мы пришли въ школу, тамъ былъ просто содомъ: только и слышалось: „Я буду, ты не будешь!“ — „Нѣтъ, ты не будешь, а я буду!“

Понятное дѣло, Миша, слушая такіе разговоры, долженъ былъ съ замираніемъ сердца дожидаться прихода учителя, который сразу покончитъ всѣ споры. И дѣйствительно: вошелъ учитель, сердито спросилъ, почему ученики не сидятъ на своихъ мѣстахъ, и, узнавъ, о чемъ у нихъ шли споры, сказалъ: — „Подайте сюда книгу; я самъ назначу, кому играть!“ — Онъ написалъ въ книгѣ распредѣленіе ролей и замѣтилъ: — „Я назначилъ тѣхъ, кто лучше учится; это имъ въ награду, а лѣнтяямъ это будетъ наказаньемъ“.

Щепкинъ вспоминаетъ: — „Когда прочли назначеніе

учителя, и я услышалъ, что слугу Размарина буду играть я,—я обезпамятѣлъ отъ радости, кажется, даже заплакалъ“.

На спектакль въ училище собрались всѣ самыя главныя лица города: и городничій, и судья, и исправникъ. Событіе это было до того неслыханнымъ и чрезвычайнымъ для маленькаго городка, что городничій, который отвѣчаетъ за все, что дѣлается въ городѣ, тревожно спросилъ учителя:—„Не будетъ ли въ этомъ представленіи чего-нибудь неприличнаго?“—Учитель поспѣшилъ успокоить градоправителя: «это безобидная забава», и увѣрилъ, говоритъ Щепкинъ, что нѣтъ ничего такого.—„Ну, хорошо“,—сказалъ городничій.

Спектакль прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Всѣ зрители остались чрезвычайно довольны.

Скоро пришлось Мишѣ еще разъ отличиться. Городничій попросилъ учителя, чтобы разыграли ту же комедію у него въ домѣ: онъ хотѣлъ по случаю бракосочетанія своей дочери „потѣшить“ весь городъ.

На этомъ спектаклѣ присутствовало громадное число гостей. Передъ поднятіемъ занавѣса городничій съ торжествующимъ видомъ обратился къ присутствующимъ и держалъ такую рѣчь:—„Ну, дорогіе гости, теперь я васъ угощу тѣмъ, чего еще никогда здѣсь не бывало, и какъ стоитъ городъ нашъ, такого чуда еще не было, и все вотъ по милости моего пріятеля“.—При этомъ онъ указалъ на учителя:—„Вотъ такую шутку состроилъ изъ дѣтей, что просто животики надорвешь. Итакъ милости просимъ садиться“.

Съ начала представленія до конца зала оглашалась неудержимымъ хохотомъ зрителей. Городничій въ благодарность расцѣловалъ всѣхъ участниковъ спектакля, — кромѣ, впрочемъ, Щепкина, который происходилъ изъ низкаго званія: съ него было довольно и того, что городничій потрепалъ его по пухленькой щечкѣ и позволилъ поцѣловать свою руку. — „Ай да Щепкинъ!“ — приговаривалъ онъ: — „молодецъ! бойчѣе всѣхъ говорилъ; хорошо, братецъ, очень хорошо! *Добрый слуга будешь барину!*“

Городничему и въ голову не приходило, что изъ этого маленькаго случайнаго актера выйдетъ современемъ великій актеръ на славу и удивленіе всей Россіи, и что заслуга его будетъ заключаться не въ томъ, что онъ былъ добрымъ лакеемъ у барина, а въ томъ, что изъ него вышелъ вѣрный и добрый слуга своему отечеству и великому искусству. Мы недаромъ остановились на разсказѣ о двухъ спектакляхъ, въ которыхъ впервые игралъ Щепкинъ.

Его участіе въ разыгрываніи театральныхъ пьесъ имѣло для него очень важное значеніе: оно ему невольно, сначала безсознательно, а потомъ все болѣе и болѣе ясно раскрывало вѣрную дорогу жизни, указывало его истинное призваніе артиста. И уже теперь, въ дѣтскіе годы, Щепкинъ обнаружилъ ту страстность въ отношеніи къ театру, которая въ ребенкѣ обличаетъ будущаго сценическаго дѣятеля!

Вскорѣ судьба его сблизила съ настоящимъ театромъ. Это было въ 1802 году, когда Мишѣ уже было четырнадцать лѣтъ. Его отвезли изъ Суджи въ Курскъ и отдали въ губернскаго училище. Въ то

время не учились со смысломъ, а, такъ сказать, долбили слово въ слово по книгѣ, безъ всякаго толку. Учителя никогда ничего не объясняли, а только требовали, чтобы ученикъ зналъ все наизусть, что сказано въ книгѣ, при чемъ не дозволялось даже переставлять слова. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ уроки не могли интересовать Щепкина, и онъ, сидя въ классѣ, только объ одномъ и мечталъ: какъ бы поскорѣе кончились уроки и наступилъ вечеръ. А вечеромъ Миша не сидѣлъ дома, нѣтъ: онъ ходилъ въ театръ. Его пускали туда даромъ, и вотъ какъ это вышло. Въ одномъ домѣ съ нимъ жили музыканты, служившіе въ театрѣ. Щепкинъ имъ помогалъ таскать литавру или контрабасъ, и за это они позволяли ему сидѣть въ оркестрѣ. А иногда его водилъ въ раскъ его товарищъ по училищу, который приходился братомъ содержателямъ театра, Барсовымъ. Черезъ этого товарища Миша вошелъ въ знакомство съ Барсовыми, бывалъ въ ихъ домѣ, даже работалъ для нихъ, переписывая роли, а нерѣдко онъ даже исполнялъ должность сфлера. Вообще театръ сталъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ Щепкинъ имѣлъ удовольствія, радости и утѣшенія отъ неприятностей, которыхъ ему, какъ крѣпостному, приходилось-таки не мало испытать. Ему на долю выпало познакомиться и съ голодомъ, и съ тумакми да подзатыльниками, и съ насмѣшками надъ его низкимъ положеніемъ. Да и школьный учитель не церемонился съ нимъ, хотя Миша былъ первымъ ученикомъ въ классѣ. Начальство сдѣлало выговоръ учителю за его небрежное отношеніе къ дѣлу. Выговоръ былъ вполнѣ справед-

ливъ, такъ какъ учитель никуда не годился. Тѣмъ не менѣе учитель разсвирѣпѣлъ и выместилъ свою злобу на несчастномъ Щепкинѣ, выпоровъ своего перваго ученика безъ всякаго милосердія.

Но Миша вытерпѣлъ и эту обиду, какъ и всякую другую, найдя противъ нихъ вѣрное цѣлебное средство и лучшее утѣшеніе въ своемъ вечернемъ посѣщеніи театра.

II.

Миша въ услуженіи у „господь“.— Пьяный актеръ и его юный замѣститель.— Первый дебютъ Щепкина на настоящей сценѣ.—

Жилеть, какъ доказательство успѣха.

Рѣшающее значеніе имѣлъ для судьбы Щепкина 1805 годъ. Въ этотъ годъ семнадцатилѣтнему юношѣ пришлось въ первый разъ попробовать свои силы на настоящей сценѣ, съ настоящими актерами, а не любителями, играющими на домашней сценѣ. Онъ уже окончилъ свое ученіе и прислуживалъ своимъ господамъ, графамъ Волькенштейнъ, которые къ нему были очень расположены. Да и было за что: онъ былъ смышленъ, расторопень, ловокъ и, главное, честень.

При одномъ взглядѣ на умное и симпатичное лицо Миши всякій невольно чувствовалъ, что это совсѣмъ не такой, какъ другіе слуги, что въ немъ есть что-то особенно привлекательное и вызывающее довѣріе къ нему. Когда кто-нибудь изъ графскихъ знакомыхъ устраивалъ званый вечеръ или торжественный обѣдъ, то непременно выпрашивалъ у графа для услуженія себѣ Мишу. Ему даже была установлена особая плата— вдвое больше той, какую платили всѣмъ другимъ офиціантамъ. Тѣ получали по пяти рублей за вечеръ, а Миша — 10 рублей.

Стоя въ столовой во время обѣда, услуживая гостямъ, бойкій мальчикъ не ограничивался тѣмъ, чтобы угождать господамъ. Нѣтъ, онъ зорко наблюдалъ за ихъ разговорами, за ихъ поступками и движеніями. Короче, онъ изучалъ людей. Это былъ юноша съ поразительной наблюдательностью. Въ столовыхъ, залахъ и гостиныхъ онъ изучалъ типы господъ, въ переднихъ и дѣвичьихъ—типы прислуги, а въ деревнѣ—народъ.

Благодаря этимъ наблюденіямъ, онъ на сценѣ въ послѣдствіи создалъ живыхъ лицъ съ мастерскою, неподражаемою правдивостью.

Въ половинѣ ноября упомянутого нами тысяча восемьсотъ пятого года актриса Лыкова заѣхала къ „господамъ“ и поднесла имъ афишу, на которой было напечатано объявленіе о ея предстоящемъ бенефисѣ. Графъ взялъ у нея билетъ на спектакль, заплатилъ за него, конечно, какъ это водилось у „господъ“, съ лихвой и обратился къ Щепкину съ приказаніемъ:

— Миша, проводи г-жу Лыкову въ чайную и скажи Парашѣ, чтобы она напоила ее кофеемъ.

Въ то время не смотрѣли на актеровъ, какъ на равныхъ всѣмъ людямъ. Ихъ не сажали въ гостиной и вообще обращались съ ними, какъ съ низшими, и очень часто говорили имъ *ты* вмѣсто *вы*. Вотъ почему графъ спровадилъ актрису къ Парашѣ, въ столовую, вмѣсто того, чтобы занимать ее въ гостиной.

За чаемъ Миша услышалъ, что г-жа Лыкова жалуется на одного пьяницу-актера, изъ-за котораго можетъ не состояться спектакль. Онъ проигралъ свое послѣднее платье и находился въ трактирѣ въ

одной рубашкѣ. Хотя онъ просилъ прислать ему денегъ для выкупа платья, но содержатель театра отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ онъ жалованье забралъ впередъ. Актриса растерянно говорила:

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать.

При этихъ словахъ Лыковой все въ Миша закипѣло. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ спрашиваетъ актрису, въ какой пьесѣ и какую роль долженъ играть этотъ актеръ. Она назвала драму, которую Щепкинъ хорошо зналъ, такъ какъ прошедшей зимой онъ часто ее суфлировалъ. Миша заторопился: сердце его трепещетъ, онъ задыхается.

— Позвольте, я сыграю эту роль,—проситъ онъ Лыкову.

— Да развѣ ты когда игралъ въ театрѣ? — съ удивленіемъ спрашиваетъ она.

— Помилуйте, нѣсколько разъ, въ деревнѣ, въ домашнемъ театрѣ.

Лыкова обѣщала спросить разрѣшенія у содержателя театра, Барсова, и увѣдомить о его отвѣтѣ Мишу.

Что сдѣлалось послѣ того со Щепкинѣмъ, трудно передать. Онъ готовъ былъ и плакать, и смѣяться. Въ припадкѣ бѣшеной радости онъ бросился въ объятія къ одному пріятелю. Тотъ изумился:

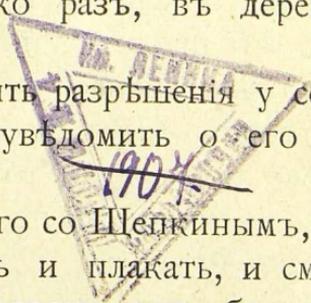
— Что ты? Съ ума сошелъ? Вѣщаешься на шею!

— Вася! Вася! Знаешь ли, я завтра играю въ театрѣ роль Андрея-почтара въ драмѣ „Зоя?“

— Нѣтъ?! Право, смотри не осрамись! Это вѣдь не то, что въ деревнѣ.

— Ну, Вася! Что будетъ, то будетъ!

М. С. Щепкинъ.

88285

11111

Щепкинъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться со всѣми своею радостью.

Вотъ онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ увѣдомленія Лыковой о рѣшеніи Барсова на счетъ его участія въ завтрашнемъ спектаклѣ.

Прошло два мучительныхъ часа его ожиданія, отвѣта нѣтъ. Безпокойство переходитъ въ уныніе. Наконецъ, онъ не можетъ долѣе терпѣть и самъ идетъ къ Лыковой. Та отвѣтила ему, что Барсовъ согласенъ, и что онъ скоро пришлетъ Мишѣ пьесу для разучиванія роли. Но Миша не можетъ ждать. Онъ стремглавъ летитъ къ самому Барсову. Тотъ вручилъ ему книгу.

„Выйдя за ворота, я все забылъ, кромѣ того, что завтра играю“, — вспоминаетъ Щепкинъ, — „и, несмотря на то, что шелъ по улицѣ, дорогой началъ учить роль и нѣсколько разъ останавливался, не замѣчая, что прохожіе подсмѣивались надо мной; но я, кромѣ книги, ничего не замѣчалъ, и когда пришелъ домой, то роль была почти уже выучена. Съ какою гордостью показалъ я товарищамъ книгу: „Что“, — говорю, — „смѣялись, не вѣрили? А я вотъ завтра непременно играю“.

Роль онъ выучилъ какъ на зубокъ и читалъ ее всѣмъ въ домѣ, отъ дворецкаго до кучера.

Вечеромъ онъ пошелъ къ Лыковой и прочелъ ей наизусть свою роль. Она осталась очень довольна его чтеніемъ и даже поцѣловала Мишу съ такой добротой, что онъ растрогался до слезъ. Видя его плачущимъ, она съ изумленіемъ спросила:

— Что съ тобой?

— Простите, Пелагея Гавриловна, — говорилъ онъ, — это отъ радости, отъ удовольствія: другихъ слезъ я почти не знаю.

— Что жъ, мой дружокъ, неужели ты обрадовался тому, что тебя поцѣловала старуха? Будто тебѣ поцѣлуй старухи такъ дорогъ?

— Да, дорогъ, потому что онъ первая моя награда за малый трудъ, который вы, по добротѣ своей, слишкомъ оцѣнили, и этаго я никогда не забуду.

Актриса нашла въ чтеніи Щепкина одинъ недостатокъ: онъ очень скоро говорилъ.

На репетиціи, хотя имъ всѣ были довольны, но напомнили ему про этотъ недостатокъ и, кромѣ того, замѣтили излишнюю суетливость.

Во время промежутка между репетиціей и спектаклемъ Щепкинъ страшно волновался и все мучился надъ тѣмъ, чтобы избавиться отъ скороговорки и суетливаго бѣганья на сценѣ. Онъ уходилъ въ домашнюю баню, декламировалъ тамъ вслухъ всю роль и никакъ не могъ добиться того, чтобы остаться собою довольнымъ.

Во время спектакля Миша до того увлекся своимъ дѣломъ, своею ролью, что не слышалъ, какъ его вызываютъ, какъ ему аплодируютъ.

Это было его первое участіе и первый успѣхъ на настоящей сценѣ. Это былъ великій для него день, потому что послѣ того актеры начали обращать на него вниманіе, а вскорѣ даже онъ былъ приглашенъ къ постоянному участію въ труппѣ.

Когда Щепкинъ вернулся изъ театра домой, то

всѣ «люди» и музыканты поздравляли его съ успѣхомъ, что сопровождалось дружескими объятіями. Когда онъ пришелъ къ графу, то тотъ расхохотался и закричалъ:

— Bravo, Миша, bravo! Пооди поцѣлуй меня!— И, поцѣловавъ, подарилъ ему новый триковый жилетъ.

Всю ночь бредилъ Щепкинъ игрой. „На другой день“—вспоминаетъ онъ:—„все вчерашнее мнѣ казалось сномъ; но подаренный жилетъ убѣждалъ меня, что то была сущая истина, и этого дня я никогда не забуду: ему я обязанъ всѣмъ, всѣмъ!“

III.

Служба въ провинціи.—Спектакль въ домѣ князя Голицына и его великое значеніе въ жизни Щепкина.—Мысль о реализмѣ.—Торжественное освобожденіе Щепкина отъ крѣпостной зависимости.

Послѣ удачнаго дебюта на бенефисѣ Лыковой, Щепкину часто стали давать небольшія роли. Какъ кто-нибудь изъ актеровъ захвораетъ или запьетъ, Щепкина приглашаютъ сыграть за него. И замѣчательно: Миша исполнялъ роль лучше того актера, котораго онъ замѣнялъ. Актеры сначала больше подсмѣивались надъ его усердіемъ, оркестръ прозвалъ его „контрабасною подставкою“, считая остроумнымъ прозваніемъ, но публика мало-по-малу привыкла къ нему и стала принимать его съ одобреніемъ. А черезъ пять лѣтъ онъ до такой степени подвинулся впередъ, что достигъ самаго большого жалованья—350 руб. ассигнаціями, что въ тѣ времена считалось крупною суммой, особенно для провинціального актера.

Казалось бы, чего еще желать Щепкину? Онъ добился первенствующаго положенія въ средѣ провинціальныхъ актеровъ, публика принимала его очень радушно, содержатели театра платили ему самое большое жалованье. Оставалось ему только почивать на лаврахъ, т. е. спокойно наслаждаться своимъ успѣ-

хомъ и отдохнуть отъ упорнаго, напряженнаго труда. Но онъ былъ не таковъ.

Его томила жажда самосовершенствованія, онъ все стремился идти впередъ и впередъ.

Надо познакомить читателей съ тѣмъ, какъ играли въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Тогдашняя манера актеровъ совсѣмъ была не похожа на теперешнюю. Когда Щепкинъ начиналъ свою карьеру, то онъ засталъ въ полномъ расцвѣтѣ господство крикливой, неестественной декламаци и необузданное злоупотребленіе вычурными жестами, сопровождавшими, какъ онъ самъ говоритъ, „почти каждое слово“. Такія неизбѣжныя во всякой трагедіи слова, какъ любовь, страсть, измѣна, не говорились по-человѣчески, а выкрикивались, по словамъ Михаила Семеновича, „такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ“. Вслѣдствіе погони за ложными эффектами, которыми актеры срывали себѣ у чувствительной публики вѣрныя и неистовыя аплодисменты, выработалась традиція, возлагавшая на служителей Мельпомены обязанность строго держаться правилъ, которыхъ никто не дерзалъ нарушать; такъ, на примѣръ, когда актеръ кончилъ какой-нибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то театральныи катехизисъ требовалъ не иначе удаляться со сцены за кулисы, какъ поднимавъ кверху правую руку. Насколько актеры боялись нарушить эти обязательныя традиціонныя приемы, это видно изъ того комическаго случая, свидѣтелемъ котораго былъ Щепкинъ. Одинъ изъ его товарищей, окончивъ тираду и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку.

Вдругъ онъ вспомнилъ о своей оплошности и на половинѣ дороги „рѣшился поправить свою ошибку и торжественно поднялъ эту завѣтную руку“. Щепкинъ вспоминаетъ еще объ одномъ сценическомъ приѣмѣ того времени: „актеръ на сценѣ, говоря съ однимъ лицомъ и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросаль того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой“.

Публика любила эти эффекты: они потрясали ея нервы, пугали, ужасали ее. И въ награду за сильныя ощущенія она усердно награждала эффектныхъ актеровъ горячими взрывами аплодисментовъ.

Щепкинъ, который былъ такъ воспримчивъ, такъ быстро усвоивалъ всякіе уроки, легко и скоро научился всѣмъ этимъ приѣмамъ игры. Согласно тогдашнимъ правиламъ, онъ игралъ неестественно, шумно, съ завываніями и подыманіемъ указательнаго перста въ патетическихъ сценахъ. За это всѣ были имъ довольны: и актеры, и публика.

И долго, быть можетъ, онъ находился бы на такой ложной дорогѣ, если бы не счастливый случай, который открылъ ему глаза и указалъ на вѣрный путь. Это было такъ. Слыхалъ онъ, что курскій вельможа, князь П. В. Мещерскій, замѣчательно играетъ на сценѣ,—конечно, на домашнихъ спектакляхъ. Но Щепкину, какъ онъ ни добивался, никогда не удавалось видѣть игру князя.

Такъ какъ лѣтомъ спектаклей не было, то Щепкинъ на вакаціи принялся въ 1810 году учиться рисовать у академика Ушакова, который славился, какъ

замѣчательный портретистъ. Ушакова пригласилъ князь Голицынъ къ себѣ въ деревню для рисованія портретовъ.

Прислана была коляска, и Ушаковъ для компаніи пригласилъ ѣхать съ собой Щепкина. И что же? Пріѣхавъ въ деревню Голицына, они узнаютъ, что вечеромъ будетъ домашній спектакль съ участіемъ князя Мещерскаго. Щепкинъ внѣ себя отъ восторга, ждетъ не дождется, когда подыметъ занавѣсъ. Шла комедія Сумарокова „Приданое обманомъ“. Князь долженъ былъ изображать въ ней скупого, что называется въ просторѣчьи, скареда, по имени Салидара.

Вотъ настала давно желанная минута: взвился занавѣсъ, и появился на сценѣ князь Мещерскій. Зорко слѣдить за этимъ артистомъ нашъ юноша, ничего не пропуская мимо своихъ глазъ. И чѣмъ больше онъ смотритъ, тѣмъ болѣе удивляется: князь не машетъ руками, не поводитъ страшно глазами, не рычитъ, не шипитъ, не подымаетъ указательнаго перста,—словомъ, не употребляетъ ни одного изъ обязательныхъ, заученныхъ пріемовъ того времени. Это показалось до того страннымъ Щепкину, что онъ внутренно сталъ смѣяться надъ княземъ.

Щепкину казалось, что Мещерскаго только потому хвалили, что онъ князь, а что играть, какъ слѣдуетъ, по-актерски, совсѣмъ не умѣетъ. „Вотъ оно!“ — думалъ нашъ молодой актеръ:— „оттого, что вельможа, такъ и хорошо! И что за игра? руками дѣйствовать не умѣетъ, а говоритъ, — *просто*, ну такъ, какъ всѣ говорятъ. Да что же это за игра? Нѣтъ! далеко вашему сятельству до насъ!“

Зато остальные лица, игравшія съ княземъ, понравились Щепкину. Они, дѣйствительно „играли:“ одинъ изъ нихъ говорилъ такъ быстро и махалъ такъ сильно руками, какъ настоящій, заправскій актеръ. Но что дѣлается со Щепкинымъ? Онъ чувствуетъ въ груди сильное волненіе, онъ весь вливается глазами въ князя Мещерскаго. Онъ забываетъ, что передъ нимъ сцена. Ему кажется, что это—не князь: у князя Мещерскаго фигура, осанка, манера полны благородства, изящества, граціи; князь, наконецъ, красивъ и симпатиченъ. А это передъ нимъ какой-то отвратительный, противный скаредъ, дрожащій надъ деньгами, трепещущій передъ мыслью о смерти, которая можетъ его разлучить съ его золотомъ. Волненія и ужасы Салидара невольно сообщаются и душѣ зрителя, и Щепкинъ не можетъ спокойно слушать того, что говоритъ скупой. Въ этой пьесѣ, между прочимъ, у Салидара выманиваютъ посредствомъ обмана завѣщаніе. Надо было видѣть, что въ этотъ моментъ стало съ Салидаромъ! Щепкинъ страшно, не на шутку, испугался за него, забывъ, что это не дѣйствительность, а только игра актера.—„Онъ умретъ!“ съ ужасомъ думалъ молодой человѣкъ. До того естественно, правдиво изобразилъ князь скупого въ ту минуту, когда его, какъ ударомъ грома, поразило страшное извѣстіе, что у него пропадаютъ деньги,—деньги, ради которыхъ онъ жилъ, изъ-за которыхъ онъ столько мучился!

Пьеса кончилась. Всѣ были восхищены, смѣялись отъ удовольствія. А нашему юношѣ было не до смѣху. Все его существо было потрясено: его нервное возбужденіе разрѣшилось потокомъ слезъ.

Ничего подобнаго тому, что онъ видѣлъ на сценѣ, никогда ему не видѣлось во снѣ. Такъ играть, какъ князь, войти прямо въ душу того лица котораго изображаешь, преобразить его совсѣмъ въ другого человѣка, заставить зрителей вообразить себѣ, что видѣнное—сама жизнь, дѣятельность, и забыть, что это игра актера,—да вѣдь это совершенство, вѣдь это высшее достоинство артиста! Только такимъ путемъ и можно знакомить зрителей съ жизнью, съ людьми, трогать сердца, облагораживать души. Зритель, видящій на сценѣ образы живыхъ людей, такихъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, лучше затвердитъ въ своей душѣ, глубже сохранить въ свой памяти картины истинныхъ, неподдѣльныхъ страданій, бѣдствій, горестей и радостей людскихъ, и теплѣе полюбитъ человѣка, и добрѣе, мягче отнесется къ каждому ближнему.

Такого рода мысли навѣяны были ему игрой князя. Но вдругъ онъ вспомнилъ, чему его учили актеры. Они требовали соблюденія правилъ, эффекта, криковъ и тому подобнаго. А между тѣмъ, вѣдь князь обошелся безъ всякихъ ихъ правилъ: его игра была такъ проста и естественна, какъ сама правда. Какъ же быть теперь Щепкину? Играть, какъ князь—значитъ поступать противъ правила; играть, какъ актеры—значитъ не изображать жизнь и людей и не трогать души, а забавлять зрителей силой голоса, ловкостью манеръ и вычурныхъ движеній. Ему начинаетъ казаться, что князь просто отуманилъ его голову, опуталъ его мысли, словно опоилъ его крѣпкимъ виномъ и навелъ его на ложное увлеченіе

Надо все это забыть и продолжать играть по-старому, по правиламъ, съ „искусствомъ“.

„Вѣдь на то и искусство“, думалось ему, „чтобы всему придавать блестящую окраску, которая бы возвышала мысли надъ грубой дѣйствительностью“.

Долго-долго мучился Щепкинъ и не могъ разобратъся съ своими мыслями. Но онъ былъ твердъ характеромъ: онъ не перестанетъ думать о предметѣ, пока не добьется полного его пониманія.

И въ концѣ концовъ, трудный вопросъ разрѣшился для него навсегда. Онъ рѣшилъ, что Мещерскій правъ, что актеръ долженъ на сценѣ производить всегда такое впечатлѣнiе, словно онъ не играетъ, а живетъ. И вотъ онъ задумался: „Постой же, теперь я удивлю въ Курскѣ, на сценѣ! Вѣдь имъ, моимъ товарищамъ, и въ голову не придетъ играть просто, а я тутъ-то и отличусь“.

Чтобы запомнить всѣ жесты, всѣ тоны, всю дивную по своей простотѣ игру князя, нашъ молодой актеръ сейчасъ же, не откладывая дѣла въ дальнiй ящикъ, выпросилъ дать ему книгу и тутъ же засѣлъ переписывать пьесу, не вставая съ мѣста.

Всю дорогу на обратномъ пути отъ Голицына домой онъ крѣпко, какъ сокровище, держалъ переписанную пьесу въ рукахъ.

Вотъ уже онъ выучилъ всю комедию наизусть. Онъ идетъ въ рошу и играетъ въ ней роль князя. Онъ перенялъ голосъ, манеру и всѣ движенія своего образца, думая, что отъ этаго игра его будетъ такъ же естественна, какъ и у Мещерскаго. Но вотъ бѣда: онъ чувствуетъ, что выходитъ что-то не такъ. Нѣтъ

простоты, жизни въ его исполненіи роли: слышится какая-то принужденность, искусственность. Какъ онъ ни мучился, читая и перечитывая роль, — ничего не выходило. Тогда онъ бросилъ свою попытку и отчаянно махнулъ рукой на свои труды, рѣшивъ, что онъ неспособенъ исправить свои недостатки. „Мнѣ никакъ не приходило въ голову, — говорилъ онъ, — что для того, чтобы быть естественнымъ, прежде всего должно говорить своими звуками и чувствовать по-своему, а не передразнивать князя. Послѣ долгихъ трудовъ я упалъ духомъ и пришолъ къ такой мысли, что мнѣ никогда не достигнуть простоты игры“.

И долго онъ мучился, стараясь добиться естественности, и много разъ у него руки опускались. Но судьба сжалилась надъ молодымъ подвижникомъ и наградила его неусыпную энергію. Это произошло совершенно неожиданно и, казалось, какъ будто случайно. Однажды шла репетиція Мольеровской комедіи „Школа мужей“, гдѣ Щепкинъ игралъ роль Сганареля.

„Такъ какъ ее много репетировали“, — вспоминаетъ онъ, — „и это мнѣ наскучило, да и голова была занята въ то время какими-то пустяками, то я велъ репетицію, какъ говорится, неглиже; не игралъ, а только говорилъ, что слѣдовало по роли, и говорилъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. И что же? Я почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ просто, что если бъ не по пьесѣ, а въ жизни мнѣ пришлось говорить эту фразу, то сказалъ бы ее точно такъ же. И всякій разъ, какъ только мнѣ удавалось сказать такимъ образомъ, я чувствовалъ наслажденіе, и такъ

мнѣ было хорошо, что къ концу пьесы я уже началъ стараться сохранять этотъ тонъ разговора“.

Но тутъ опять пошла бѣда: какъ только онъ начиналъ намѣренно, усиленно стараться, такъ терялъ искомую, желанную простоту и впадалъ въ свою обычную ходульность, господствовавшую въ то время на сценѣ. И онъ до такой степени, благодаря излишнему старанію, уклонялся тогда отъ идеала естественности, что товарищи (а они были питомцы ложной старинной школы) къ концу пьесы осыпали его хвалами, находя, что онъ никогда не игралъ такъ удачно. На самомъ дѣлѣ это, стало быть, значило, что онъ никогда не игралъ въ такой сильной степени ходульно и неестественно. Воображаемъ, какъ мучительно должно было быть душевное состояніе Щепкина при такихъ отзывахъ товарищей! Навѣрное, ему „не поздоровилось отъ этакихъ похвалъ!“ Нечего и говорить, что при такой упорной энергіи въ стремленіи къ самоисправленію Щепкинъ, въ концѣ концовъ, добился своей цѣли и вышелъ изъ жаркаго боя побѣдителемъ.

Въ концѣ концовъ оказалось, что спектакль въ деревнѣ Голицына имѣлъ великое значеніе для Щепкина. Именно благодаря вліянію игры князя Мещерскаго, юный актеръ нашъ принялся играть совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Правда, ему многихъ трудовъ стоило переломить себя, покинуть старые привычки и приемы игры и исполнять роли просто, жизненно. Онъ много мучился, много разъ у него руки опускались отъ упорной борьбы съ своими недостатками. А въ концѣ концовъ онъ вышелъ счастливымъ побѣдителемъ надъ самимъ собою и сдѣлался такимъ

актеромъ, котораго не забудеть никогда Россія. Онъ справедливо заслужилъ славу перваго актера, распространившаго по всей Россіи, среди всѣхъ актеровъ, понятіе о правдѣ и естественности въ искусствѣ. Всѣ лучшіе актеры нашего времени съ гордостью называютъ себя послѣдователями Щепкина: своей правдивой игрой онъ произвелъ великій переворотъ въ театральномъ дѣлѣ, и ни одинъ актеръ не можетъ, благодаря этому, упомянуть имя Щепкина безъ чувства глубокой благодарности и благоговѣйнаго удивленія.

Семнадцать лѣтъ прослужилъ нашъ актеръ на провинціальной сценѣ, переходя изъ одного города въ другой, преимущественно на югѣ Россіи, въ малороссійскихъ городахъ. Всюду онъ пользовался большимъ успѣхомъ, а въ 1818 году полтавская публика, въ благодарность за тѣ наслажденія, которыя доставлялъ ей Щепкинъ своей игрой, собрала деньги для выкупа его изъ крѣпостной зависимости. Это стоило десять тысячъ рублей ассигнаціями.

IV.

Щепкинъ въ Москвѣ—Его успѣхи.—Дружба съ лучшими людьми вѣка (Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, Грановскій, Грибоѣдовъ и др.)—Ихъ вліяніе на развитіе Щепкина.—„Литературная кофейня“.—Умъ и художественный вкусъ у Щепкина.

Мало-по-малу слава о южномъ провинціальномъ актерѣ достигла до Москвы, и его, наконецъ, пригласили въ Императорскій Малый театръ. Московская публика восторженно встрѣтила дебютанта. И съ каждымъ годомъ его талантъ болѣе и болѣе развивался въ столицѣ. Это потому, что, стремясь къ совершенствованію, онъ вѣчно трудился и вѣчно учился. Въ этомъ отношеніи можно безъ преувеличенія сказать, что онъ всюду умѣлъ извлекать себѣ пользу. С. Т. Аксаковъ, хорошо и близко знавшій Щепкина, сказалъ: „Вся жизнь Щепкина и внѣ театра была для него постоянною школою искусства: вездѣ находилъ онъ что-нибудь замѣтить, чему-нибудь научиться; естественность, вѣрность выраженія (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежащія каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особенностей,—все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста“. Щепкинъ, по свидѣтельству того же современника,

внимательно слѣдилъ за бесѣдами въ обществѣ, въ которомъ онъ бывалъ. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, подъ вліяніемъ мыслей, выслушанныхъ имъ посреди шумныхъ рѣчей или споровъ, Щепкинъ часто мѣнялъ свой взглядъ на изучаемую роль. „Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное налету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить“. Тщательная работа надъ каждой пьесой доходила у Щепкина до того, что онъ, по словамъ Нестора Кукольника, „на всякое свое слово, всякое тѣлодвиженіе всегда былъ готовъ представить мотивъ вполне уважительный“.

Свои сценическіе приемы Щепкинъ бралъ изъ самаго вѣрнаго источника—изъ глубокаго наблюденія надъ дѣйствительною жизнью. Этому много помогала его природная любознательность, его рѣдкая любовь къ наблюденіямъ. Онъ всѣми силами старался впитывать въ себя, говоря словами поэта, „всѣ впечатлѣнья бытія“, чтобы тѣмъ ярче отражать дѣйствительную жизнь на сценѣ. А зналъ онъ жизнь, по свидѣтельству современниковъ, въ совершенствѣ. Не было ни малѣйшаго преувеличенія, замѣчаетъ А. Н. Аѳанасьевъ, въ словахъ Щепкина: „Я знаю русскую жизнь отъ дворца и до лакейской“. Этому знанію жизни удивлялся въ Щепкинѣ даже такой знатокъ Россіи, какъ Гоголь, который въ письмѣ своемъ къ Языкову называетъ Щепкина замѣчательнымъ человекомъ, у котораго „куча воспоминаній, исторій объ разныхъ углахъ Россіи“. Въ этомъ отношеніи его вліяніе на Гоголя безспорно. Онъ не разъ давалъ Го-

голю сюжеты для его сочиненій. Такъ, на основаніи разсказа Щепкина о случаѣ, происшедшемъ съ его бабкою, Гоголь разсказалъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ о томъ, какъ передъ смертю Пульхеріи Ивановны къ ней явилась кошка. Разсказываютъ, что когда Щепкинъ прочелъ эту повѣсть, то при встрѣчѣ съ авторомъ сказалъ ему, шутя: „А кошка-то моя!“ — „За то коты мои!“ — отвѣтилъ Гоголь. Подъ вліяніемъ разсказа Михаила Семеновича въ „Мертвыхъ душахъ“ явился такъ называемый „симпатическій анекдотъ“ на тему: „полюби насъ черненькими“ и т. д. Своимъ знакомствомъ съ жизнью Щепкинъ былъ полезенъ Гоголю еще въ томъ отношеніи, что онъ могъ, со свойственнымъ ему чутьемъ къ истинѣ, указывать писателю на его уклоненія отъ правды, на утрировки и ошибки противъ реализма, находившіяся въ его сочиненіяхъ. Сильно сказалось это благотворное вліяніе Щепкина на передѣлкѣ первоначально полуромантической, мало естественной комедіи Гоголя „Женихи“, въ извѣстную реальную комедію того же автора „Женитьба“.

Не одинъ Гоголь изъ среды нашихъ писателей заимствовалъ сюжеты у Щепкина. Нашему артисту обязанъ былъ Искандеръ-Герценъ, описавшій, въ своей повѣсти „Сорока-воровка“, исторію крѣпостной актрисы на основаніи разсказа Щепкина. Воспоминаніями Михаила Семеновича изъ быта провинціальныхъ актеровъ воспользовался графъ Соллогубъ для своей повѣсти „Собачка“. Въ знаменитой комедіи Островскаго „Бѣдность не порокъ“ Любимъ Торцовъ, по словамъ одной родственницы Щепкина, написавшей о немъ

воспоминанія, выведенъ подъ вліяніемъ разсказа Михаила Семеновича о Пантелеѣ Ивановичѣ.

Это—интересный старинный типъ парикмахера. Парикмахеръ этотъ жилъ въ домѣ Щепкина и очень преданъ былъ семьѣ Михаила Семеновича. Судьба Пантелея Ивановича очень сходна съ судьбой Любима Торцова.

Какъ ни велико значеніе житейской опытности и чуткой наблюдательности, однако, ихъ недостаточно еще для полнаго, истиннаго пониманія жизни и людей. Для этого необходимо широкое умственное и нравственное развитіе; истинному артисту, для правильнаго и сознательнаго усвоенія воспроизводимыхъ въ драматическомъ произведеніи человѣческихъ типовъ и характеровъ, обязательно литературное развитіе. Безъ этого условія артистъ не можетъ быть настоящимъ, правдивымъ воспроизводителемъ жизни. Вотъ почему, напр., Мочаловъ, этотъ, по свидѣтельству В. Г. Бѣлинскаго и другихъ современниковъ, замѣчательнѣйшій артистъ, не умѣлъ создавать цѣльный образъ изъ своей роли. Для того, чтобы охватить всю роль общей идеей, придать характеру цѣльность, особенно если изображаемое лицо принадлежало къ классическому репертуару, Мочалову не доставало умственнаго развитія и литературнаго образованія. Щепкинъ сознавалъ недостатокъ своего образованія и потому всѣми силами, всю жизнь стремился къ духовному самосовершенствованію. Для этого онъ считалъ долгомъ сблизиться съ лучшею, передовою частью общества, т. е. съ наиболѣе развитыми представителями интеллигенціи. И онъ дружески сошелся съ Пушкинымъ, который настолько ува-

жалъ великаго артиста, что собственноручно началъ писать подъ его диктантъ его автобіографію. Онъ близко сошелся также съ Лермонтовымъ во время послѣдней поѣздки поэта въ Москву. Хорошія отношенія связывали его и съ Грибоѣдовымъ, который, какъ гласитъ преданіе, помогалъ ему лично своими бесѣдами усвоить роль Фамусова. Съ Гоголемъ нашего артиста соединяла прежде всего одинаково горячая любовь къ своей родинѣ, Малороссіи.

Между прочимъ, въ характерѣ обоихъ отразилась отличительная черта малороссовъ, именно, ихъ національный юморъ. Этотъ юморъ съ его поэтическими отбѣнками былъ, по словамъ одного изъ поклонниковъ таланта Щепкина, тѣмъ новымъ элементомъ, тѣмъ своимъ роднымъ началомъ, которое внесъ на русскую сцену нашъ геніальной актеръ. И передовые люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ считали Щепкина необходимымъ членомъ своей семьи. Дружба его съ Бѣлинскимъ не прекращается до самой смерти великаго критика. Щепкинъ былъ хорошо знакомъ съ семьей С. Т. Аксакова, съ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, Герценомъ, Станкевичемъ, Грановскимъ, Бакунинымъ, Огаревымъ, Кудрявцевымъ и др. Съ особенной теплотою вспоминалъ Щепкинъ о Грановскомъ. „Бесѣды съ Грановскимъ“.— сказалъ артистъ на своемъ юбилеѣ,—поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и искусству“. Въ этомъ образованномъ кругу лучшихъ умовъ Щепкинъ былъ далеко не послѣдній человѣкъ. Напротивъ, онъ былъ тамъ одинъ изъ самыхъ выдающихся, самыхъ любимыхъ друзей. Доб-

рый и честный человекъ, остроумный собесѣдникъ, талантливый рассказчикъ, — онъ былъ центромъ, вокругъ котораго стекались въ знаменитой „Литературной кофейнѣ“ въ Москвѣ многіе писатели и ихъ просвѣщенные друзья. Его блестящіе рассказы смѣшили и трогали не только слушателей, но и самаго рассказчика, который нерѣдко заключалъ свое повѣствованіе непритворными слезами. Къ этому избранному кругу лучшихъ умовъ тянула Щепкина неутомимая жажда образованія. Щепкинъ постоянно обращался къ нимъ за совѣтомъ. Положительно можно сказать, что изъ всѣхъ извѣстныхъ актеровъ на Руси никто и никогда съ такимъ жаромъ, съ такой искренностью не обращался къ наукѣ. Съ живѣйшимъ интересомъ читалъ онъ статьи о театрѣ, которыя переводились съ иностранныхъ языковъ въ кружкѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, специально для Михаила Семеновича. Когда ему приходилось играть роль изъ классическаго репертуара французской или англійской драматургіи, то предварительно онъ освѣдомлялся у тѣхъ же друзей о томъ, какъ объясняется тотъ или другой характеръ, та или другая пьеса на Западѣ. И вѣрные друзья дѣлали для него извлеченія изъ наиболѣе замѣчательныхъ иностранныхъ критикъ данныхъ пьесъ. Такъ, по словамъ А. Н. Афанасьева, когда великій артистъ задумалъ сыграть „Скупого“, то все лучшее, что было написано по поводу этой комедіи и что было необходимо для отчетливаго пониманія роли, для объясненія характера избраннаго лица и для постановки пьесы, — все являлось въ переводахъ, сдѣланныхъ друзьями нарочно

для него. Такимъ образомъ, тотъ Скупой, которымъ публика восторгалась въ Щепкинѣ, „быль плодъ и великаго таланта, и глубоко обдуманнаго изученія“. Въ области вопросовъ о сценическомъ искусствѣ главнымъ совѣтникомъ Михаила Семеновича былъ высокообразованный человекъ, замѣчательный знатокъ Шекспира, Н. Х. Кетчеръ. По словамъ А. В. Станкевича, Щепкинъ всегда обращался къ этому другу за приговорами о томъ, какъ онъ сыгралъ ту или другую роль „Взыскательному къ самому себѣ артисту“, — по словамъ А. В. Станкевича, — „нужно было знать впечатлѣнїе Кетчера. Скажи послѣдній, доволенъ или недоволенъ Щепкинымъ въ такой-то роли и для артиста это уже было поправленіемъ или подтвержденіемъ собственнаго мнѣнїя объ игрѣ своей“.

Щепкинъ слѣпо на вѣру, однако, не принималъ ничего мнѣнїя, даже и по литературѣ.

— У меня своя голова на плечахъ, — говорилъ онъ: — я и самъ кое о чемъ, можетъ быть, смекну.

И смекалъ. Да какъ еще! Совсѣмъ подчасъ посвоему. А когда онъ до чего додумается, онъ умѣлъ объяснять это и просто, и понятно.

— Какъ вамъ кажется, Михаилъ Семеновичъ, — спросилъ его кто-то изъ молодыхъ людей, — не правда ли, что въ характерѣ Чацкаго есть большое сходство съ Мизантропомъ Мольера?

Михаилъ Семеновичъ весь оживился, начавъ все больше одушевляться, съ жаромъ объяснять разницу въ характерѣ обоихъ этихъ лицъ.

— Чацкій, дѣйствительно, переросъ наше русское общество того времени. Раздраженъ Чацкій потому,

что онъ видитъ вокругъ себя устарѣлые нравы и дѣйствительно смѣшныя слабости и пороки общества. Пороки эти отразились на его судьбѣ, сдѣлали его несчастнымъ, потому что онъ очутился въ этой несносной для него средѣ одинокимъ, непонятымъ. А у Мольера Мизантропъ его самъ виноватъ въ томъ, что не любитъ людей. Въ немъ самомъ была избалованность, требовательность и нетерпимость. Эти собственные недостатки его и мѣшали ему любить общество.

Не одна драма, не одинъ театръ влекъ Щепкина къ прекрасному, къ художественной красотѣ. Не будемъ говорить о литературѣ, которую онъ такъ цѣнилъ. Любовь къ ней въ драматическомъ артистѣ такъ естественна. Но онъ любилъ и другія искусства: живопись, музыку.

Въ дѣтствѣ его учили играть на гусляхъ. Инструментъ этотъ встрѣчался тогда чуть не во всѣхъ домахъ. Только позднѣе въ провинціи стали его смѣнять маленькимъ фортепіано.

Въ полтавскихъ театрахъ ему приходилось пѣть въ операхъ: труппа была невелика, и каждый актеръ долженъ былъ участвовать во всевозможныхъ пьесахъ—отказываться отъ пѣнія не позволялось. Впрочемъ, это и теперь дѣлается кое-гдѣ въ провинціи.

Щепкинъ былъ, впрочемъ, этимъ доволенъ: пѣть онъ любилъ, и упражненія только развивали въ немъ музыкальный вкусъ. Слухъ у него былъ прекрасный, голосъ—пріятный. Вообще Щепкинъ выработалъ въ себѣ пониманіе музыки. Любилъ не только малоросійскіе напѣвы, которые онъ охотно распѣвалъ и

однѣ у себя, и въ доброй компаніи. Онѣ цѣнили также вѣчныя созданія геніевъ музыки, различалъ мотивы Моцарта и музыку Бетховена.

Въ Москвѣ Щепкинъ былъ окруженъ артистами-музыкантами. Въ оркестрѣ при Императорскихъ театрахъ было много хорошихъ музыкантовъ. Всѣ концерты устраивались при ихъ участіи.

Въ домѣ Михаила Семеновича нерѣдко можно было встрѣтить капельмейстера Іоганнеса. Уйдутъ, пригнутся куда-нибудь въ дальній уголъ хозяинъ и другъ его музыкантъ, и долго идетъ тамъ у нихъ сладкая бесѣда и обмѣнъ восторгами по поводу той или иной великой чѣй-нибудь композиціи.

Щепкинъ любовался на стараго музыканта-піаниста Рудольфа, часто заглядывавшаго къ нему въ домъ. Онѣ былъ уже сѣдой старикъ, но сохранилъ мягкость и чистоту игры. Всѣ Листовскія переложенія пѣсенъ Шуберта онѣ помнилъ наизусть. Рудольфъ блаженствовалъ, когда садился за рояль. Онѣ импровизировалъ, фантазія уносила его куда-то далеко въ безоблачныя выси. Онѣ, играя, опоминаясь, оглядывался на слушателей съ счастливой, восторженной улыбкой.

V.

Появленіе на сценѣ „Ревизора“, какъ великій моментъ въ исторіи умственнаго развитія. Щепкина.—Горячая отвѣдь Гоголю о герояхъ его комедіи.—Щепкинъ, какъ учитель искусства, и его отношеніе къ молодымъ артистамъ.—Жажда самосовершенствованія.—Боль за судьбы театра.—Юбилейный адресъ Щепкину отъ лучшихъ нашихъ писателей.

Сближеніе Михаила Семеновича съ людьми такого круга имѣло необыкновенное вліяніе на всю его жизнь. Въ этомъ съ искреннею благодарностью онъ сознался самъ на своемъ юбилейномъ праздникѣ, говоря, что просвѣщенные представители русскаго общества были его „двигатели на сценическомъ поприщѣ“. Передъ своимъ отъѣздомъ за границу въ 1853 году, на прощальномъ обѣдѣ Щепкинъ сказалъ: „я не сидѣлъ на скамьѣ студентовъ, но съ гордостью скажу, что много обязанъ Московскому университету въ лицѣ его преподавателей: одни научили меня мыслить, другіе—глубоко понимать искусство“.

Глубокому пониманію Щепкинымъ искусства чрезвычайно много помогло и великое событіе въ исторіи нашей литературы и нашего театра, а именно появленіе Гоголевскаго „Ревизора“. Подъ вліяніемъ этой пьесы въ Щепкинѣ произошла великая перемѣна, сказался значительный шагъ впередъ въ его эстетическомъ развитіи. Онъ понялъ тогда, какое воспитательное значеніе имѣетъ общественная комедія, обличающая язвы современнаго общества. Тогда онъ убѣ-

дился, какъ бѣденъ русскій репертуаръ, какъ ничтожны по своему содержанію, по своему вліянію на общество пьесы Шаховскаго и Загоскина, наиболѣе игравшіяся въ то время. Онъ убѣдился, что для исполненія геніальной комедіи Гоголя, этой общественной сатиры, — наши артисты не подготовлены, не подготовлены по недостатку умственного и гражданскаго развитія. И передъ его мысленнымъ взоромъ сразу открылись недостатки современнаго сценическаго искусства. „Съ представленія „Ревизора“ начинается для меня новая жизнь“, — говорилъ Щепкинъ. И онъ полюбилъ эту комедію всемъ сердцемъ и всей душой. Въ отношеніи Щепкина къ „Ревизору“ очень ясно обнаружилась та высокая степень эстетическаго и гражданскаго развитія нашего артиста, до какой могли доходить въ то время только первые умы изъ интеллигентнаго класса той эпохи. Это особенно ярко сказалось на одномъ фактѣ. Именно, когда въ душевномъ настроеніи Гоголя произошелъ извѣстный переломъ, результатомъ котораго оказалось изданіе его „Переписки съ друзьями“, когда Гоголь измѣнилъ свой взглядъ на „Ревизора“ и хотѣлъ всѣхъ увѣрить, что герои этой комедіи — не живыя лица, а только наши страсти, представленныя въ аллегорической формѣ, тогда Щепкинъ пришелъ въ глубокое негодованіе. Онъ написалъ Гоголю горячую отповѣдь, въ которой насквозь видна вся добрая, честная, любящая душа артиста-гражданина.

„До сихъ поръ“, — пишетъ Щепкинъ, — „я изучалъ всѣхъ героевъ „Ревизора“, какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ въ нихъ много знакомаго, такъ много

родного и такъ свыкъся съ городничими, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіе десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, — это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы мнѣ ихъ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намековъ, что это не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это люди настоящіе, живые люди, между которыми я взросъ и почти составился. Видите ли, какое давнее знакомство! Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими людьми въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ; а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ“.

Человѣкъ съ такимъ широкимъ развитіемъ не могъ не быть истинно разумнымъ учителемъ искусства. Онъ въ своихъ пріемахъ преподаванія не подходилъ на тѣхъ учителей искусства, которые учатъ декламации съ голоса, какъ учатъ канареекъ пѣть. Нашъ создатель реализма на сценѣ, будучи нѣкоторое время преподавателемъ драматическаго искусства въ театральной школѣ, всегда старался поддерживать свободное развитіе личности въ своихъ ученикахъ. Ни за что, бывало онъ не соглашался самъ, своею четкой показатъ, какимъ тономъ надо выразить ту или другую фразу. Онъ требовалъ, чтобы ученикъ самъ вдумывался. На усиленную просьбу ученика:

„Научите же, какъ сказать“, — Михаилъ Семеновичъ отвѣчалъ: „Этого нельзя: я скажу, можетъ быть, и хорошо, но *по-своему*; ты можешь сказать еще лучше, тоже *по-своему*; у всякаго человѣка есть манера, присутствующая только ему“. Что Щепкинъ превосходно понималъ и зналъ, чему надо учить молодыхъ артистовъ, это видно изъ его глубокомысленныхъ совѣтовъ, которые онъ давалъ Шумскому, г-жѣ Шубертъ и другимъ. Великій труженикъ прежде всего завѣщалъ артистамъ трудиться. „Что же достается даромъ и что же бы значило искусство“, — писалъ онъ Шумскому, — „если бы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разрабатывай данныя Богомъ способности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ всегда имѣй въ виду натуру; влѣзь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный бытъ, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общества его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни, ты непременно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда сколько-нибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно“. Добросовѣстность работы должна была, какъ училъ Щепкинъ, вести къ тому, чтобы артистъ зналъ исполняемую имъ роль на-зубокъ, и никогда бы ни на іоту не осмѣливался отступать отъ подлинника. „Избави Богъ“, восклицалъ онъ, „не знать роли или передавать своими словами; какъ публика и кри-

тики могутъ судить о языкѣ автора, если мы будемъ сочинять по-своему?“

На репетиціи Щепкинъ внушалъ артистамъ не позволять себѣ отдѣлываться машинальнымъ чтеніемъ роли или индифферентнымъ повтореніемъ ея за суфлеромъ, какъ это дѣлаютъ и теперь, къ сожалѣнію, наши актеры. Нѣтъ, онъ требовалъ, чтобы артисты и на репетиціи, какъ и на спектаклѣ, постоянно жили на сценѣ, играя всю роль какъ слѣдуетъ, не жалѣя своего голоса и силъ. Критикуя игру своихъ молодыхъ друзей, онъ строго преслѣдовалъ всякую неестественность, малѣйшее отсутствіе простоты въ движеніяхъ, голосѣ и манерахъ. Г-жа Шубертъ говоритъ, что онъ часто рѣзко обрывалъ ее, какъ только замѣтитъ излишнюю манерность и стремленіе бить на эффектъ: „Не ломайся, маточка“, — замѣчалъ онъ, — „не актрисничай, говори проще“. Щепкинъ старался также удержать молодого артиста отъ увлеченія своимъ успѣхомъ: „Пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ аплодисментовъ“. Въ преслѣдованіи самомнѣнія Щепкинъ былъ очень послѣдователенъ. Будучи самъ олицетворенною скромностью, онъ не выносилъ суетного честолюбія, отъ котораго такъ часто погибали крупныя дарованія. Молодые артисты очень любятъ, упоенные своими лаврами, увѣковѣчивать свой образъ на память потомству при помощи фотографическаго искусства, снимаясь во всевозможныхъ роляхъ, въ какихъ имъ удавалось срывать у публики аплодисменты. Щепкинъ этого терпѣть не могъ. Когда открылась въ Москвѣ

новая фотографія, то артистовъ попросили сняться. Пришло въ голову одной изъ ученицъ Щепкинъ предложить Михаилу Семеновичу сняться. „Батюшки“,— вспоминаетъ она,—„какъ мнѣ за это досталось! Какое я имѣю право превозноситься, какъ смѣю думать, что хороша!“

— „Прекрасно, я нехороша, ну, вы хороши“,— капризно возражаетъ Щепкину артистка.

Но суровый и строгій учитель скромно и честно отвѣчаетъ:

— „И я нехорошъ, однимъ понравился, другимъ нѣтъ“.

Собственною жизнью своей Щепкинъ подтверждаетъ эти правила. У него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Во имя этого дѣла онъ легко сдерживалъ въ себѣ стремленіе къ славѣ и никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей, какъ бы ничтожны онѣ ни были въ его глазахъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно его добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Онъ ни разу не опоздалъ; не было случая, чтобы онъ, играя какую-нибудь роль, хотя бы въ сотый разъ, несмотря на свою превосходную память, не перечитывалъ ея накануне вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой. Въ театрѣ, въ тотъ вечеръ, когда онъ игралъ, съ нимъ нельзя было говорить, къ нему нельзя было подойти ни съ какимъ разговоромъ. Щепкинъ, говорятъ, такъ перерождался въ представляемое имъ лицо, что „предъ поднятіемъ занавѣса, за полчаса, онъ ходилъ по сценѣ совершенно отдѣльно отъ всѣхъ окружавшихъ его, такъ что, если бы кто приставилъ къ груди его

пистолетъ, онъ бы этого не замѣтилъ. По словамъ г-жи Шубертъ, онъ въ это время „священнодѣйствовалъ“: „весь въ огнѣ, потъ леть градомъ; играя даже водевиль, онъ готовился какъ-будто къ чему-то страшному“. Работа надъ изученіемъ ролей особенно усилилась подъ старость, когда онъ началъ чувствовать ослабленіе памяти, а между тѣмъ не мѣнялъ своего стараго правила читать роль безъ запинки. И вотъ онъ, бывало, съ 6 часовъ утра расхаживаетъ по аллеямъ сада и парка, молча и задумавшись. — „Вы рано встали сегодня?“ спрашивали его, ког да всѣ собирались къ утреннему чаю. — „Да, ходилъ по аллеѣ“, отвѣчалъ онъ отрывисто, „сто разъ про себя роль прочелъ!“ прибавлялъ онъ съ нѣкоторой досадой.

При такомъ отношеніи артиста къ дѣлу очень легко понять, почему роли, которыя онъ исполнялъ, „никогда“, по словамъ одного изъ современниковъ его, „не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постоянно и постоянно“. Онъ, бывало, гуляетъ по улицѣ и такъ погружится въ обдумываніе, какъ лучше исполнить то или другое мѣсто роли, что забудется и начнетъ говорить вслухъ. „На репетицію иногда ѣдемъ въ казенной каретѣ“, — вспоминаетъ г-жа Шубертъ, — „онъ такъ просто, естественно начинаетъ говорить, — думаешь, что это онъ мнѣ говоритъ; оказывается, роль читаетъ, наизусть, да такъ твердо, слова не переставитъ“. Жажда самосовершенствованія была въ немъ такъ велика, что онъ вѣчно находилъ у себя ошибки и недостатки, вѣчно обдумывалъ и перерабатывалъ отдѣлку своихъ ролей, вѣчно спрашивалъ совѣта и

мнѣнія другихъ и относился къ нимъ съ уваженіемъ, слушая внимательно всѣхъ, начиная съ почтенныхъ и опытныхъ судей и кончая самыми юными студентами. „Въ эпоху блистательнаго торжества“,—говоритъ С. Т. Аксаковъ,—„когда Петровскій театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ рукоплесканій,—былъ въ театрѣ одинъ человѣкъ, постоянно недовольный Щепкинымъ: этотъ человѣкъ былъ—самъ Щепкинъ. Никогда не былъ собою доволенъ взыскательный художникъ, ничѣмъ неподкупный судья!“ Его благородное недовольство собой доходило до такой степени, можно даже прямо сказать,—до такой крайней и поразительной скромности, что онъ не удовлетворялся своимъ исполненіемъ коронной своей роли, въ которой онъ стяжалъ себѣ самыя единодушныя похвалы. „Хвалятъ меня въ Фамусовѣ“, говорилъ онъ,—„а я не баринъ, нѣтъ у меня барской ноты. Вотъ Петя Степановъ, если бъ не лѣнился, больше меня былъ бы на мѣстѣ: у него барскія ноты“.

Щепкинъ, который умѣлъ цѣнить науку и постоянно, въ случаѣ нужды, прибѣгалъ къ ея помощи, естественно, долженъ былъ сознавать всю важность научныхъ основъ искусства для актера. Онъ искренно сожалѣлъ, что въ его время совсѣмъ не была выработана теорія искусства. Это видно, между прочимъ, изъ его письма къ Шумскому, гдѣ онъ говоритъ, что актеръ долженъ брать уроки въ своемъ искусствѣ пока только у самаго непосредственнаго источника—у природы, при помощи тщательнаго наблюденія за дѣйствительною жизнью. „Эта живая книга (т.-е.

жизнь) замѣнить тебѣ всѣ теоріи, которыхъ, *къ несчастью*, въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ“. Изъ стремленія Щепкина къ серьезному изученію сценическаго искусства вытекало его сознаніе необходимости познакомиться съ положеніемъ театральнаго дѣла за границей. „Мнѣ нужно видѣть заграничные театры, очень нужно“,—писалъ онъ въ 1847 году къ Гоголю. Онъ мечталъ, совершивъ путешествіе по Европѣ съ специальною цѣлью изученія постановки тамошняго театральнаго дѣла, обнародовать, въ поученіе молодому поколѣнію артистовъ, свой взглядъ на драматическое искусство вообще и сдѣлать посредствомъ сравнительнаго метода характеристику каждаго театра въ Европѣ. Осуществленіе этой завѣтной мечты онъ считалъ исполненіемъ своего послѣдняго долга искусству, послѣ чего онъ могъ бы спокойно сказать: „нынѣ отпускаеши“. Къ сожалѣнію, это ему не удалось и, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ на путешествіе...

Любовь Щепкина къ театру была настолько высока, что онъ не могъ не страдать, видя, наклонѣнныя своихъ, что театръ низко падаетъ, обращаясь въ пустое и легкое развлеченіе. Насколько вѣрно смотрѣлъ Щепкинъ подъ старость на состояніе театра, на перемѣну, происходившую въ направленіи драматической литературы,—насъ въ настоящій моментъ не такъ интересуетъ. Но намъ желательно показать, какъ ясно выражается въ сохранившихся письмахъ искренняя привязанность артиста къ театру, неподдѣльная жгучая боль его за судьбу дорогого искусства. Несимпатичное для него новое направленіе искус-

ства, въ которомъ онъ видѣлъ только пустую забаву, балаганщину, даже шарлатанство, довело его до глубокой меланхолии. „Грусть меня одолеваетъ“, — писалъ онъ къ сыну въ 1848 году, — „занятіе мое по службѣ сдѣлалось мнѣ несносно, даже отвратительно, потому что изъ артиста дѣлають поденщика; репертуаръ преотвратительный — не надѣ чѣмъ отдохнуть душою, а вслѣдствіе этого память тупѣетъ, воображеніе стынетъ, звуковъ не достаетъ, языкъ не ворочается. Все это вмѣстѣ разрушаетъ меня, уничтожаетъ меня, и не видишь ни въ чемъ отрады“. Убѣжденный въ паденіи искусства, какъ въ очевидномъ несомнѣнномъ фактѣ, онъ смущался, когда выходилъ передъ публикой. Ему было совѣстно и за нее, и за себя. За нее онъ скорбѣлъ оттого, что она ничемъ не выражала своего недовольства современною постановкою театральнаго дѣла. „Она, голубушка, такъ же милостива ко мнѣ“, — писалъ онъ къ сыну, говоря о публикѣ, — „не видитъ, что къ ней на сцену выходитъ не артистъ уже, одаренный вдохновеніемъ, посвятившій всего себя своему искусству, но поденщикъ, неуклонно выполняющій и зарабатывающій свою задѣльную плату. Нѣтъ, ей все равно! выходитъ туловище, которое носитъ названіе Щепкина, и она въ восторгѣ. Грустно, страшно грустно! Знаешь ли: мнѣ бы легче было, если бы меня иногда ошिकाки, даже это меня бы порадовало за будущій русскій театръ: я видѣлъ бы, что публика умнѣетъ, что ей одной фамиліи недостаточно, а нужно дѣло“.

Воплемъ отчаянія отзываются нижеслѣдующія строки изъ письма артиста къ Барятинскому: „Все

идеть впередъ, а драматическое искусство назадъ. Конечно, мы сдѣлались смѣлѣе, самонадѣяннѣе; но наше самолюбивое я скорѣе сравниваетъ насъ съ балаганными фокусниками, и мы уже близки къ тому“. Боль Щепкина за судьбы искусства вытекала изъ глубокаго сознанія просвѣтительной роли театра. Уже по приведеннымъ нами выпискамъ изъ писемъ Щепкина можно заключить, намъ кажется, что Щепкинъ любилъ искусство не какъ таковое, не искусство для искусства, а искусство для общества, для нравственнаго развитія народа. И его сердце глубоко было растрогано, когда онъ, со слезами радости и счастья, выслушалъ отъ лучшихъ представителей общества, составляющихъ красоту и гордость нашей литературы, признаніе его высокой заслуги для общества, благодарность за нравственное вліяніе на соотечественниковъ. Именно, въ письмѣ отъ петербургскихъ литераторовъ, прочтенномъ въ 1855 году на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Щепкина, — въ письмѣ, украшенномъ подписью Льва Толстого, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Майкова и другихъ, находятся эти прекрасныя слова, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ преклоненія передъ гениальной личностью: „Въ эти полвѣка тысячи зрителей, постоянно смѣняясь, покидали театръ съ сердцемъ, умягченнымъ благодатью безкорыстныхъ, прекрасныхъ слезъ, добраго свѣтлаго смѣха. — и какъ сосчитать, сколько благородныхъ движеній пробуждено артистомъ, сколько готовыхъ навсегда погаснуть чувствъ вызвано изъ усыпленія, оживотворено имъ?.. Это — заслуга невидимая, неислѣдимая, но великая: общее сочувствіе — ей награда, лучшая награда, какой можетъ желать человѣкъ“.

На томъ же юбилеѣ не разъ въ рѣчахъ упоминалось о его великой заслугѣ въ качествѣ лучшаго и популярнѣйшаго толкователя и комментатора великихъ созданій литературныхъ геніевъ.

Но этого мало: за нимъ признавали и другую заслугу, уже чисто гражданскаго характера: „Онъ знакомилъ насъ съ Малороссіей“,—говорилъ М. П. Погодинъ, — „лучше, чѣмъ сама исторія и даже поэзія“. Онъ возбуждалъ въ русскихъ людяхъ нѣжныя братскія симпатіи къ родственному украинскому народу, благодаря глубоко-артистическому исполненію такихъ малороссійскихъ пьесъ, какъ „Москаль-чаривникъ“, „Наталка-полтавка“ и др., а также благодаря его горячимъ стараніямъ познакомить русское общество съ поэзіей Шевченка. Какъ чуткій эстетикъ, Щепкинъ, вскорѣ послѣ появленія „Кобзаря“ въ Петербургѣ, сразу угадалъ въ молодомъ Шевченкѣ, авторѣ этого произведенія, великій талантъ. Чудные звуки родной украинской музыки очаровали нашего артиста. Онъ долго носился съ сочиненіями новаго поэта-земляка, пѣвца сельскаго народа, и первый положилъ твердый камень во главу угла поэтической славы великаго малороссійскаго поэта. Онъ любилъ читать въ литературныхъ московскихъ кружкахъ знаменитое шевченковское: „Думы мои, думы мои, лихо мыни зъ вами“. Особенно же любилъ Щепкинъ читать въ литературныхъ собраніяхъ посвященное ему стихотвореніе того же поэта „Пустка“.

VI.

Щепкинъ, какъ человѣкъ.—Справедливость, любовь къ людямъ, незлобивость, безкорыстіе.—Вѣрность въ дружбѣ.—Отношеніе къ молодежи, къ начинающимъ актерамъ, къ студенчеству.—„Студенческій флигель“.—„Мертвецкая“.—Благотворительность.—Заботы о дѣтяхъ.—„Милая трагедія“.—Свиданіе съ Шевченкомъ.—
Письмо о почтальонѣ.

Любя искусство и поэзію безкорыстною любовью, Щепкинъ также безпристрастно умѣлъ любить и уважать всякій талантъ. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ знакомъ съ чувствомъ, столь естественнымъ для артиста,—именно, съ завистью къ сопернику. Напротивъ, онъ съ неподдѣльною искренностью выражалъ свои восторги, рассказывая объ игрѣ талантливаго товарища. Такъ, онъ съ восхищеніемъ отзывался объ актерѣ Угаровѣ, съ которымъ, будучи молодымъ актеромъ, игралъ въ Малороссіи. „Угаровъ“,—писалъ съ увлеченіемъ Щепкинъ,—„былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу“. Съ восхищеніемъ отзывался онъ также о необыкновенномъ украинскомъ актерѣ Соленикѣ. Многіе изъ публики считали Соленика равнымъ по таланту Михаилу Семеновичу и называли Соленика украинскимъ Щепкинымъ. Иные даже ставили Соле-

ника выше Щепкина. Тѣмъ не менѣе, нашъ благодушный артистъ не ревновалъ публику къ своему сопернику: онъ умѣлъ забывать свое „я“ и отдавался искренно безкорыстнымъ эстетическимъ наслажденіямъ.

Далекій отъ чувства зависти и другихъ мелочныхъ страстей, Щепкинъ не питалъ ни къ кому злобы и имѣлъ полное право сказать о себѣ: „Я люблю всѣхъ людей“. Онъ любилъ даже дурныхъ людей, движимый высокимъ христіанскимъ чувствомъ всепрощенія. „Кто знаетъ, что его сдѣлало дурнымъ“, — говорилъ Щепкинъ про плохого человѣка, — „можетъ быть, онъ ласки не встрѣчалъ, слова правды ему было некому сказать“. Онъ любилъ спасать людей изъ бѣды, выручать ихъ и деньгами, и добрымъ совѣтомъ. Въ этихъ случаяхъ онъ съ охотою готовъ былъ, ради другихъ, забывать свои прямые интересы. Такъ, въ силу чувства товарищества и участливости къ бѣдному человѣку, Щепкинъ, служа въ полтавской труппѣ на жалованье въ 1,500 рублей, отказался отъ весьма существенной прибавки въ 500 рублей. И это онъ сдѣлалъ для того, чтобы уступить назначенныя ему деньги товарищу, Угарову, какъ человѣку нуждающемуся и семейному.

Всѣхъ любилъ. Это не преувеличеніе. Это — сама правда. Тѣ, кто не понималъ Щепкина, люди подозрительные, недовѣрчивые отъ природы приписывали его мягкое обращеніе, съ которымъ онъ относился буквально ко всѣмъ, честолюбію, будто болѣзненно развитому въ немъ. Другіе говорили даже, что онъ — лукавый человѣкъ, желающій всякому угодить даже

тѣмъ, кого онъ терпѣть не можетъ, кому онъ при случаѣ и повредить не прочь. Не хотѣли вѣрить эти сомнѣвающеся, что могутъ найтись на свѣтѣ люди кристальной, нравственной чистоты.

— Нѣтъ,— говорили эти слишкомъ ужъ „проницательные“ люди:—что-нибудь тутъ не даромъ; Щепкинъ, навѣрно, имѣлъ тутъ какой-нибудь свой интересъ.

Нѣкоторые актеры говорили о немъ:

— Щепкинъ всѣмъ дружески улыбается, ласковъ со всѣми безъ изъятія,—стало быть, онъ никого, въ частности, не любитъ и отдѣляется отъ всѣхъ одинаково казенными дѣланными любезностями.

— Чего онъ, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ увѣряетъ въ своей любви и дружбѣ? Не вѣрю я ему, ласковому теленку,—не по сердцу мнѣ эти его изліянія,—ворчалъ артистъ, вѣчно всѣхъ пересмѣливавшій, искавшій во всемъ изъяны, Д. Т. Ленскій,—извѣстный не столько, какъ актеръ, сколько въ качествѣ талантливаго сочинителя юмористическихъ стиховъ, пародій и водевилей.

— Подумайте только: встрѣтится съ Щепкинымъ человѣкъ, совсѣмъ почти ему неизвѣстный,—видѣлись другъ съ другомъ всего два раза, а Щепкинъ его цѣлуетъ,—недоумѣвали люди, державшіеся, приблизительно, одинаковыхъ взглядовъ съ Ленскимъ.

Я лично слышалъ отъ сына знаменитаго актера Прова Михайловича Садовскаго—отъ Михаила Проновича, который теперь самъ тоже достигъ громаднымъ своимъ галантомъ тоже большой славы, что Щепкина не долюбливалъ Провъ Михайловичъ.

— Приторень слишкомъ и себѣ на умѣ,—охъ, да и хитрющій же онъ, хохоль!—отзывался Провъ Михайловичъ о Щепкинѣ.

Щепкинъ зналъ холодное къ нему отношеніе своего болѣе молодого товарища. И уже въ преклонные годы сказалъ какъ-то сыну Прова Михайловича, Михаилу, который былъ тогда крошечнымъ мальченкой и заглядывалъ иногда съ отцомъ во время репетицій за кулисы:

— Что это, милый мой мальчикъ, папа-то твой не любитъ меня, старика? За что онъ не любитъ меня? Эхъ, горько мнѣ это, дружище. Такъ и скажи ему, дѣточка! старикъ-то, молъ, плачетъ, обидѣлъ ты его, папа, а онъ къ тебѣ—всей душой.

И тутъ Щепкинъ и въ самомъ дѣлѣ заплакалъ. Слезы показались на глазахъ непритворныя. Мальчикъ увидалъ—старикъ плачетъ—и покатился самъ въ слезахъ. Долго унять не могли ребенка.

А у Щепкина подъ старость, дѣйствительно, часто появлялись на глазахъ слезы. Стоило ему прочесть вслухъ трогательное стихотвореніе, дома ли, публично ли,—онъ не могъ не всплакнуть.

Тутъ видѣть надо не сентиментальность, а просто усиленную впечатлительность.

Мягкость и ласковость, съ которою онъ обращался почти со всѣми, кого ни встрѣчалъ, съ перваго взгляда дѣйствительно покажется скорѣе недостаткомъ, чѣмъ добродѣтелью. Люди не всѣ одинаково стоятъ ласки и одобренія. Есть люди, все поведеніе которыхъ заслуживаетъ строгаго, суроваго, беспощаднаго порицанія. Но Щепкинъ—изъ тѣхъ, что не видятъ, не

хотятъ видѣть пороковъ людскихъ, — и въ этомъ, быть можетъ, ихъ большой недостатокъ. Слишкомъ они вѣрятъ всѣмъ и каждому. Каждый имъ кажется прекраснымъ человѣкомъ, такимъ же, какъ они сами. Но есть люди строгихъ взглядовъ на жизнь. Они отъ каждаго человѣка требуютъ добродѣтели. Они говорятъ: съ дурными людьми должна быть борьба. Борьба, конечно, нравственнаго характера: ихъ надо усовѣщевать, а гдѣ это не помогаетъ, надо громить ихъ, какъ громилъ Чацкій порочныхъ людей. А мягкость, одинаковая съ каждымъ, со всѣми — граничить съ равнодушіемъ, одинаковымъ ко всѣмъ людямъ.

Пуškai такіе суровые моралисты упрекаютъ людей подобныхъ Щепкину, за излишнее, быть можетъ, благодушіе. Но равнодушнымъ къ людямъ, къ бѣдствіямъ, къ ихъ нуждамъ и горю назвать Щепкина было бы жестокою и возмутительною несправедливостію.

У каждаго человѣка есть свои недостатки. Навѣрное, ихъ не мало было у Щепкина: онъ человѣкъ, какъ и всѣ. Определеннаго, доказательства въ этомъ отношеніи мы ничего не знаемъ. Въ тѣхъ воспоминаніяхъ о Щепкинѣ, которыя сохранились въ печати съ этой стороны, со стороны недостатковъ, Щепкинъ выставленъ меньше всего. Вѣрнѣе: ихъ совсѣмъ почти не указано. Зато всѣ почти, кто зналъ его, въ одинъ голосъ преклоняются передъ его доброй душой, умомъ, трудолюбіемъ. О талантливости нечего и говорить.

Въ пользу его, за его свѣтлую душу говорятъ, думается, и факты, извѣстные всѣмъ: дружба и привязанность къ нему лучшихъ людей земли русской.

Грановскій, Герцень, Бѣлинскій, Пушкинъ, — развѣ такіе люди, долго живя рука объ руку съ Михаиломъ Семеновичемъ, часто имѣя съ нимъ и дѣловыя, и интимныя, задушевныя отношенія, развѣ такіе люди могли долго оставаться въ заблужденіи относительно его нравственной личности? И если бы былъ онъ человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, своекорыстный и плутоватый, то неужели такъ-таки никто бы въ концѣ концовъ этой-то черты и не узналъ бы въ немъ?

Лучшая мѣра для оцѣнки людей — это провѣрить, какъ они относятся къ низшимъ себя, къ тѣмъ, кто занимаетъ маленькое положеніе въ обществѣ, кто бѣденъ, несчастенъ, забитъ, кто имъ подвластенъ, подчиненъ.

А Щепкинъ, котораго вѣчно окружали поклонники его генія, котораго, можно сказать, на рукахъ носили люди, которые и сами по себѣ были людьми крупными, пользовавшимися великой славой, Щепкинъ, всюду окруженный ореоломъ славы, совсѣмъ никогда не гордился этимъ, ни передъ кѣмъ не возносился, не хвалился.

Ниже ли, выше ли его поставленные, всѣ встрѣчали съ его стороны одинаковое съ ними обращеніе.

— Я самъ такой же былъ маленькій человѣкъ, какъ они, — говорилъ Щепкинъ, когда представлялся случай помочь кому-нибудь изъ бѣдныхъ людей, или вступить за обиженнаго: я самъ былъ, друзья мои, крѣпостнымъ и горя всяческаго навидался.

Мало сказать: онъ выручалъ людей изъ бѣды, онъ подчасъ спасалъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ ему людей, спасалъ буквально утопающихъ отъ вѣрной смерти.

„Сколько юношей были обязаны ему своимъ воспитаніемъ, сколько стариковъ нашли подъ его кровлей послѣдній спокойный пріютъ!“— восклицаетъ А. Н. Аванасьевъ. „Это былъ замѣчательный благодотворитель, совершавшій свои подвиги милосердія въ глубокой тишинѣ, ревниво оберегая тайну. Онъ всегда считалъ своимъ долгомъ помогать семьѣ, оставшейся сирой послѣ смерти какого-нибудь изъ его товарищей по искусству, и воспитывать его дѣтей на свой счетъ“.

Да не только товарищей по искусству. Когда онъ жилъ въ Замоскворѣчьи, въ домѣ Араловыхъ, услышалъ, что хозяинъ, самъ Араловъ, попалъ въ большую бѣду: дѣла его пришли въ упадокъ.

Пожалѣлъ Щепкинъ семью, сталъ къ себѣ чаще зазывать сверстницу своихъ дочерей, дѣвочку, старшую дочь Араловыхъ, а потомъ узналъ, что семью постигло совершенное разореніе, и что домъ и все имущество ихъ были проданы съ молотка, для удовлетворенія немилосердныхъ кредиторовъ. Михаилъ Семеновичъ пошелъ къ хозяину и сказалъ:

— Дайте-ка намъ вашу дѣвочку на воспитаніе. Дочки мои будутъ очень рады, она ихъ подруга, онѣ очень полюбили ее, да и я попривыкъ къ ней немало.

И въ семьѣ Щепкина однимъ человѣкомъ стало больше.

Несторъ Кукольникъ говоритъ, что, когда онъ навѣщалъ Михаила Семеновича, онъ всякій разъ имѣлъ случай любоваться его превосходнымъ сердцемъ, потому что „всякій разъ въ домѣ его видѣлъ новыхъ молодыхъ людей, которымъ помогалъ словомъ и дѣломъ знаменитый комикъ“. Тутъ были и начинающіе

актеры, еще не успѣвшіе пристроиться къ какому-нибудь театру, и студенты,—друзья сыновей Михаила Семеновича.

— А кто другъ моимъ сыновьямъ, тотъ другъ и мнѣ,—ласково говорилъ Щепкинъ, цѣлуя и обнимая всѣхъ приходившихъ къ нему молодыхъ людей.

Окончилъ курсъ театральной школы любимый ученикъ Щепкина Шумскій. Михаилъ Семеновичъ сейчасъ къ нему:—У тебя, душенька, нѣтъ гдѣ пріютиться? такъ живи, голубчикъ, пока у меня. А тамъ видно, братъ, будетъ. Есть хлѣбъ, соль. Не стѣсняйся, я радъ тебѣ отъ души. Поживемъ и поучимся вмѣстѣ мастерству нашему, другъ мой.

И Шумскій остался, осыпанный ласками, зачарованный неоцѣнимыми уроками и совѣтами актера-мудреца.

Вскорѣ послѣ этого Шумскій, съ помощью общаго помощника-покровителя, Михаила Семеновича, сталъ на дорогу, вышелъ въ актеры,—любимцы публики, и сталъ гордостью и славой славнаго учителя своего.

Актеры-юноши и студенты были одна компанія. Превеселая компанія: шумная, бойкая, остроумная.

— И такой ей и подобаеть быть,—говаривалъ Щепкинъ о дружинѣ, переполнившей знаменитый „Студенческій флигель“.

Тамъ иной разъ съ утра до ночи напролетъ шли горячіе споры и раздавались пѣсни, слышались рѣчи, задушевныя признанія. А то и пляска пойдеть—да какая, разудалая! Все ходенемъ ходить.

Щепкинъ любилъ туда захаживать.

— Ну-ка, пойду въ мертвецкую на великое веселіе!—говорилъ онъ.

„Мертвецкой“ называлъ онъ этотъ буйный домикъ за то, что тамъ до смерти веселились.

— До смерти веселятся,—ну и мертвецкая,—объяснялъ выдуманное имъ подъ веселую руку потѣшное имя своего студенческаго общежитія.

Вотъ онъ входитъ туда, къ своимъ „милымъ разбойничкамъ“.

— Что, что ты сказалъ? что смѣлъ ты сказать? что Гегель совралъ? Гегель? Да ты сумасшедшій! ты долженъ отвѣтить за это! Нѣтъ, дерзости такъ не прощаются! Изволь доказать! Ну, говори скорѣе!

— Говори, говори, если посмѣешь: гдѣ ты нашель тѣ слова, что ты такъ легкомысленно приписалъ Гегелю?

— Да ты не наслушался ли розказней Погодина?

— Нѣтъ, господа, не то: онъ, видно, изъ школы барона Брамбеуса!

— Да дайте же вы мнѣ слово сказать!

— Не давать ему слова! Пусть сначала въ умъ придетъ!

— Нѣтъ, дайте сказать мнѣ! Постойте!

— Не надо! Молчи, окаянный! Прочь, чернь непроsvѣщенна!..

Шумъ, гамъ. Всѣ обступили одного смѣльчака, осмѣлившагося сказать, что Гегель—этотъ великій учитель, кумиръ поколѣнія, мудрецъ, совралъ!

— Онъ—„совралъ!“... И какой тонъ! Какой дерзкій тонъ!

— Нѣтъ, этого нахала надо судить,—кричить

кто-то высокій, высокій, единственный изъ всей компани, безъ гнѣва, съ благодушіемъ на рѣдкость отнесшійся къ смѣлому спорщику противъ общаго авторитета—Гегеля.

Высокій студентъ хотѣлъ, видимо, шуткой усмирить слишкомъ зарвавшуюся въ пылу своего негодованія компанию, учинившую пока словесную облаву на врага.

— А кто его знаетъ, чѣмъ эта баталія кончится, — началъ, было, немного беспокоиться Михаилъ Семеновичъ:—что, какъ, вдругъ они поссорятся? А зачѣмъ? Спорщикъ этотъ хоть и спорщикъ и предерзкій, а все-таки воевать не годится. Парень онъ славный. Надо успокоить буяновъ.

И Щепкинъ рѣшилъ, въ интересахъ общаго спокойствія, прервать опасный споръ, грозящій чуть не потасовкой. Голосъ у него тогда еще былъ—это происходило въ 40-е годы—въ полной силѣ, и онъ громко возгласилъ, стараясь перекричать веѣхъ:

— Эй, господа оппоненты! За мной! Дѣло есть! Всѣ разомъ! Бросьте пока, на минуту, ващъ споръ!

Милая, въ сущности, очень благодушная молодежь моментально вся, какъ одинъ, смолкла: ужъ очень любила она своего старика.

Такъ называли эти славные юноши Михаила Семеновича. А то и такъ говорили про него:

— Отецъ. Это—нашъ отецъ.

„Отецъ“ повелъ своихъ „дѣтей“ въ свой домъ, гдѣ онъ самъ жилъ.

— Пойдемъ къ Еленѣ Дмитриевнѣ: она сегодня

больна и скучаетъ, и ваша шальная компанія какъ разъ ей придется на руку.

— А какъ же, Михаилъ Семеновичъ, —спросилъ тотъ длинный и въ то же время премирный студентъ:—вѣдь наша орава опять, неровень часть, забунтуетъ и подыметъ гвалтъ.

— Ничего, ничего, уладимъ какъ-нибудь. Кричать-то очень и сами не станутъ въ комнатѣ у больной женщины,—что ты, мой милый, развѣ жъ это возможно! Не такіе они, въ самомъ дѣлѣ, разбойники. А мы со старухой любимъ ваши препирательства. Чего тамъ, въ самомъ дѣдѣ! Надо говорить правду. Вѣдь я тоже иной разъ поспорю, такъ только держись: ей-Богу, потомъ даже совѣстно становится. И кричишь, и ногами топаешь, и кулаками показываешь,—хотя, правда, только показываешь, знаете, какъ городничій купцамъ въ „Ревизорѣ“. И какая у меня скверная при этомъ манера, —самъ знаю, что скверная, прямо даже подлая,—хватать спорщика за пуговицу, либо напирать на него всѣмъ корпусомъ такъ, что тотъ, несчастный, отступаетъ да отступаетъ, отодвигается да отодвигается, пока, наконецъ, головой не ударится о печку или о стѣну, либо спиной о фортепiano.

И тащитъ хозяинъ всю молодежь въ спальню старухи. Молодежь сначала сдержанно, а потомъ горячо принимается за неоконченный споръ. увлекается такъ, что ужъ ничего и не слышитъ и не видитъ кругомъ себя, только и слышно:

— Да постой, дай мнѣ тебѣ возразить!

— Нѣтъ, я братцы, раньше заявилъ, что хочу возразить,—моя очередь.

— Ну, хорошо, я согласенъ, только дай мнѣ всего два слова сказать.

Снова, какъ во флигелѣ, крикъ, шумъ, боевая схватка не на животъ, а на смерть.

Щепкинъ слушаетъ, слушаетъ, глаза его все больше и больше разгораются, и вотъ онъ, смотрите, встаетъ, напираетъ на избранную имъ жертву—на того, кто ересью своей особенно возмущаетъ его, и начинаетъ на него покрикивать и осаживать его назадъ, такъ что тотъ постепенно, въ самомъ дѣлѣ, приближается къ стѣнѣ.

Споръ раздражается общимъ хохотомъ—дружнымъ, лихимъ, молодецкимъ.

А лѣтомъ Михаилъ Семеновичъ любилъ заводить съ молодежью и всей своей семьей пикники. Вотъ тамъ-то раздолье и спорамъ, и безшабашной удалн молодцамъ.

Онъ вѣдь лѣтомъ работалъ, игралъ на сценѣ не меньше, чѣмъ и зимой. Но въ свободный денекъ, какъ только онъ выдастся—это, впрочемъ, не такъ-то ужъ часто бывало,—Щепкина каждодневно норовили облекать въ театральнй парикъ,—Михаилъ Семеновичъ первымъ долгомъ рвется къ своимъ на дачу. И если можно еще прихватить денекъ, другой, чтобы вдоволь насладиться любимымъ отдыхомъ въ идиллической обстановкѣ, онъ устраивалъ пикники.

Придумываются дальнія прогулки. Берутъ съ собой обязательно самоваръ, провизию, сласти.

Лучшаго житья, какъ въ Апухтинѣ, тоже подмосковное мѣсто,—дѣти Михаила Семеновича не могли себѣ и представить.

Нанялъ себѣ Щепкинѣ тамъ дачу. Домъ былъ давно необитаемый, страшно запущенный. При немъ находилась и домашняя церковь.

— Экая досада, церковь совсѣмъ, наглухо заперта!—огорчился Михаилъ Семеновичъ: что тутъ подѣлаешь?

Какъ что? Молодежь всегда найдетъ исходъ изъ такихъ затрудненій: была бы только охота да отвага, а ужъ смекалки у щепкинской дружины не занимать.

Въ одно милое утро слышитъ Михаилъ Семеновичъ какой-то радостный крикъ:

— Нашли! Нашли входъ! Ребята, айда ко мнѣ!

Оказывается, наши усатые младенцы разыскали, гдѣ тутъ входъ: онъ шелъ изъ подвального этажа.

Скоро въ этомъ переходѣ начали появляться привидѣнія.

Въ извѣстный часъ среди могильной тишины показывается блѣдная фигура, дѣлаетъ какіе-то таинственные знаки и мигомъ исчезаетъ.

Ну, конечно, это была шутка. Всѣ такъ и понимали, разумѣется, кромѣ нѣкоторыхъ старушекъ; впрочемъ, и ихъ съ трудомъ удалось убѣдить, что вѣдь это же одна только забава, такъ себѣ, „для прохлажденія времени“.

Апухтино долго памятно было Щепкину и его друзьямъ: ужъ очень тамъ жило хорошо.

Тамъ совершилось большое, счастливое событіе въ жизни нашего артиста: онъ познакомился съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Пушкинъ бы-

валь по близости на дачѣ, въ Соколовѣ, у своего пріятеля П. В. Нащокина.

Зимою Пушкинъ потомъ заѣжалъ къ Щепкину въ домъ нѣсколько разъ. Онъ, между прочимъ, искалъ у него свиданія съ В. Г. Бѣлинскимъ. Хотѣлъ самъ лично пригласить Виссаріона Григорьевича принять участіе въ журналѣ, который долженъ былъ редактировать Пушкинъ.

А Бѣлинскій былъ у Щепкиныхъ въ домѣ совсѣмъ своимъ человѣкомъ. Въ лѣтнее время на дачу къ Щепкинымъ онъ то и дѣло заѣжалъ.

Всякій пріѣздъ Бѣлинскаго какъ-то словно перерождалъ артиста: онъ молодѣлъ душой, оживалъ и радостно слушалъ все, что говорилъ Бѣлинскій, а Бѣлинскій иначе, какъ пламенно, говорить не умѣлъ.

И весело катились часы за часами въ этой умной и пылкой и дружески-чистой бесѣдѣ.

Подъ конецъ Щепкинъ довольный, торжествующій, съ праздничнымъ видомъ въ лицѣ и глазахъ, принимался за мастерскія воспоминанія, разсказывалъ разныя житейскія исторіи и встрѣчи, изображалъ въ лицахъ всевозможные типы—и любо, дорого было домашнимъ и всѣмъ гостямъ, которые встрѣчались тутъ, смотрѣтъ на двухъ друзей, одушевившихся одинаково увлекающими ихъ мыслями, планами и воспоминаніями.

Верхъ жизнерадостнаго настроенія Щепкина—это, когда онъ брался читать Гоголя или что-нибудь другое изъ литературы. Это значило: Щепкинъ въ духѣ, въ ударѣ, „какъ никогда!..“

Молодежь вся—и дѣти Щепкина, и товарищи

ихъ—боготворили Михаила Семеновича, души не чаяли въ немъ. Они учились на его примѣръ, какъ надо жить, чтобы впослѣдствіи не пришлось краснѣть за даромъ растраченныя силы, за бесполезно убитое время, за пустоту и безсодержательность своей жизни.

А дѣтямъ своимъ онъ вправѣ былъ сказать, уже не въ фамусовскомъ тонѣ, слова Фамусова, придавая имъ серіозный, не лицемѣрный смыслъ. Онъ смѣло и убѣжденно могъ повторить, но только тономъ вѣрящаго въ себя человѣка, счастливаго сознаніемъ свято исполненнаго имъ долга:

— Не надобно другого образца, когда въ глазахъ—примѣръ отца!

Примѣръ отца, который не бросаетъ самой нѣжной заботы о дѣтяхъ даже тогда, когда они сами становятся и взрослыми, и самостоятельными.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—пока я живъ, не допущу, чтобы они въ чемъ-нибудь нуждались, чтобы они кровью и потомъ добывали себѣ пропитаніе, чтобы они и силы, и здоровье, и время, которое имъ нужно для своего образованія, для пополненія своихъ знаній, теряли на работу для крова и пищи и жили бы впроголодь. Пока я живъ, пусть живутъ у меня, пока не найдутъ себѣ мѣста или службы, которая бы могла ихъ, какъ слѣдуетъ, пропитать.

Женится сынъ его,—казалось бы, теперь бы его и отпустить. А нѣтъ:

— Живи, оставайся, скажетъ старикъ, пока не почувствуешь себя совсѣмъ обезпеченнымъ. А то, милый мой, нужда искушаетъ человѣка, увлекаетъ его

въ поступки, не всегда чистые, подчасъ вводитъ въ грѣхъ,—нѣтъ, подожди, стань прежде на ноги.

Елена Дмитриевна поддерживала, какъ нѣжная мать, всѣ эти рѣшенія нѣжнаго отца своихъ взрослыхъ и женатыхъ дѣтей.

Нелегко ему доставались эти рѣшенія: большого надрыва силъ требовалось отъ него, чтобы быть въ состоянїи содержать и кормить у себя въ домѣ родныхъ и неродныхъ 24 человекъ! Въ 1831 году, мы знаемъ точно, у него семья состояла изъ 24-хъ человекъ.

Какъ онъ обрадовался въ тѣ пору, когда получилъ извѣщеніе отъ начальства, что ему поручается преподавать въ театральной школѣ! Это увеличивало его доходъ, который весь шелъ на удовлетвореніе самыхъ вопіющихъ нуждъ семьи.

— Главная нужда,—говорилъ онъ:—это образованіе. Я самъ по себѣ знаю, какое горе, если ты ходишь точно слѣпой: того не знаешь, другого не понимаешь, дѣлаешь глупости, а, можетъ, и зло причиняешь кому по невѣжеству своему, самъ не сознавая того. Сколько людей погибаетъ, идутъ на преступленія—все оттого только, что не знали, гдѣ свѣтъ, гдѣ правда, какъ на свѣтѣ жить, чтобы душу живую сохранить.

И онъ всѣ силы свои употребилъ на то, чтобы пріискать дѣтямъ, когда они были маленькіе, хорошихъ учителей для подготовки ихъ въ гимназію.

Нѣсколько лѣтъ продержалъ ихъ онъ въ гимназіи, а доканчивать курсъ далъ имъ дома. Въ гимназіи

тогда обучали не хорошо. Мало знаній выносили оттуда учащіеся.

Друзья-профессора съ живѣйшею охотою отвѣтили Щепкину на его просьбу — помочь ему въ пріисканіи знающихъ и умѣлыхъ учителей, которые сдѣлали бы изъ сыновей артиста студентовъ, до стойныхъ этого имени, хорошо подготовленныхъ къ пониманію всего, что тамъ будетъ читаться имъ въ университетѣ.

Профессоръ Крюковъ сказалъ Щепкину:

— Насчетъ древнихъ языковъ, — латыни, греческаго, — не безпокойтесь, пожалуйста. У меня есть время: я самъ займусь съ ними.

И сыновья Щепкина, и пріемныя дѣти, — они были совершенно на равномъ положеніи съ родными его сыновьями, — всѣ подготовились великолѣпно, выдержали экзаменъ благополучно и попали, къ радости отца, въ университетъ.

Самымъ счастливымъ между ними оказался младшій сынъ: его образованіемъ руководилъ самъ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Какъ заботился этотъ добрый человѣкъ и профессоръ-другъ о взятомъ имъ на свое попеченіе юношѣ! Щепкинъ и вся семья его со слезами на глазахъ всю жизнь вспоминали объ этихъ попеченіяхъ вдохновеннаго историка, педагога — трибуна!

Кукольникъ зналъ очень многихъ людей, которые, только благодаря ходатайству Щепкина, пользовались покровительствомъ сильныхъ людей.

На юбилеѣ Михаила Семеновича одинъ изъ чествователей великаго юбиляра, К. П. Барсовъ, публично

возблагодаривъ Щепкина, гостепріимно пріютившаго подъ своимъ кровомъ бѣдную его семью, вспоминаль, что въ домѣ артиста находили себѣ пріютъ безпрестанно новыя лица и жили у него, сколько хотѣли: кто мѣсяць, а кто и годъ, и „едва ли кому-нибудь изъ нихъ удалось поблагодарить гостепріимнаго хозяина и благотворительнаго челоуѣка. Михаилъ Семеновичъ не выслушиваль благодарности“. Недаромъ авторъ одной изъ статей о Щепкинѣ называетъ его квартиру „домашней богадѣльней“.

Старики и старухи, лишеныя крова и помощи и нашедшіе себѣ пристанище у Щепкина, сразу были поставлены въ домѣ на положеніи близкихъ родныхъ, своихъ людей.

И всѣ такъ и смотрѣли на этихъ обитателей дома. Относились къ нимъ съ такимъ почтеніемъ и вниманіемъ, какъ къ ближней роднѣ хозяина.

Такому обращенію съ чужими, какъ со своими, много способствовало то обстоятельство, что Щепкинъ былъ счастливъ въ своей семейной жизни. Жена его, очень простая и милая женщина, обладала кроткимъ, мирнымъ, уживчивымъ характеромъ.

Скажетъ ей Михаилъ Семеновичъ про какую-нибудь старушку:

— А знаешь ты? Бабушка-то эта вѣдь совсѣмъ несчастная, одинока. Я, знаешь, просиль ее: пусть тамъ, пока что, ко мнѣ переѣдетъ на житье.

Слово Щепкина—законъ въ домѣ. Сказано, и старуха водворяется, а добрая хозяйюшка ласково и заботливо принимается хлопотать, какъ бы устроить ее получше.

И для всякаго, кто жилъ въ домѣ у Щепкина, всегда найдется и привѣтливое слово, и шутка, и поощреніе.

Поселилъ онъ къ себѣ старушку, бывшую актрису, оставшуюся доживать старость въ глубокомъ одиночествѣ.

Она была родная сестра знаменитаго Мочалова, когда-то была очень красива и величественна въ трагедіяхъ, на роляхъ королевъ и всяческихъ героинь. На сценѣ она носила имя Мочаловой-Франціевой. Въ галлерей Третьякова можно видѣть ея чудный портретъ работы художника Тропинина.

Въ веселую минуту Щепкинъ обращался къ ней:

— Ну, моя милая трагедія! Давай-ка отжаримъ изъ Эдипа въ Аѳинахъ!

И пускаются въ забавныя пародіи, показывая, какъ въ старину завывали и неистово кричали, и страшно поводили глазами при исполненіи трагическихъ пьесъ.

— Постой, дочь нѣжная преступнаго отца! — зареветь онъ, дико оглядывая „героиню“.

Та сейчасъ ему по старинному, въ высокопарномъ тонѣ, представляла старинную актрису въ роли дочери Эдипа, Антигоны.

И съ высоко-поднятой кверху рукой!

Слушатели надрывались отъ хохоту, слушая эти громкіе монологи и разговоры, глядя на намѣренно искусственные, дѣланые, курьезные жесты и дикую мимику.

— Все живое весело да живеть! — говорилъ Ми-

хаиль Семеновичъ, прибавляя подчасъ и другое, уже священное изреченіе:

— Блаженъ, иже и скоты милуетъ! .

И миловаль, и облюбовываль, кормиль и поиль и куроць, и кошечекъ, и воробьевъ.

—Эй, милая, старая трагедія моя!—позоветь добрую старушку-героиню, — давай кормить воробышекъ моихъ!

И, благодушно посиживая на террасѣ въ своемъ саду, крошитъ на мелкіе кусочки бѣлый хлѣбъ. „Милая трагедія“ помогаетъ ему въ этомъ. Операція производилась на специально для этого любезнаго дѣла устроенной деревянной полочкѣ у террасы.

Терраса была для него мѣстомъ и отдыха, и размышленій. Глядя съ нея на роскошную панораму сада, раскрывавшуюся передъ его глазами, онъ сказалъ разъ Мочаловой:

— Помни, трагедія! Ты видишь эти развернувшіеся листья? Прежде чѣмъ они упадутъ на землю, — меня уже не будетъ!

И всѣ эти обильныя благодѣянія Щепкинъ расточаль, несмотря на то, что онъ былъ вовсе не богатъ и жилъ однимъ жалованьемъ. Слова Некрасова, посвященные памяти Бѣлинскаго; „Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ“ могутъ быть вполне примѣнены и къ Щепкину. Это была въ высшей степени привязчивая, нѣжная душа, способная безгранично увлекаться людьми. Ради друзей онъ готовъ былъ на все. Особенно это ярко сказалось на его отношеніяхъ къ земляку своему, поэту Шевченку, котораго Щепкинъ, по удачному выра-

женію профессора Н. И. Стороженка, „любилъ, какъ сына, берегъ, какъ зѣницу ока“. Цѣльная натура Щепкина, одареннаго гармоническимъ развитіемъ всѣхъ своихъ силъ, оказывала великое, благотворное вліяніе на горячую голову поэта, раздражительнаго, запальчиваго, отдающагося минутѣ. Михайль Семеновичъ умѣлъ охлаждать горячіе порывы Шевченка, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ и умѣлъ наставлять своего молодого друга, наводя его на вѣрную стезю жизни и убѣждая его „беречь себя для родины и поэзіи“.

Истинные друзья узнаются всего болѣе въ несчастіи. Въ 1847 году Шевченко подвергся опалѣ и былъ разжалованъ въ солдаты, вслѣдствіе обвиненія его въ сочиненіи сатиры на одно высокопоставленное лицо. Десять лѣтъ пробылъ поэтъ въ ссылкѣ, но Щепкинъ не забывалъ своего друга. Онъ оказывалъ ему матеріальную помощь и посылалъ поэту черезъ общихъ знакомыхъ сердечныя привѣтствія. А когда поэтъ былъ въ 1857 году возвращенъ изъ ссылки, то радости Щепкина не было и конца. Шевченко самъ всею душою рвался въ Москву повидаться съ своимъ „единственнымъ“, великимъ другомъ, но ему въѣздъ въ столичные города былъ воспрещенъ. Тогда Щепкинъ собирается, несмотря на свои преклонные годы, самъ ѣхать къ другу, поселившемуся въ Нижнемъ-Новгородѣ. „Не пріѣхать ли мнѣ въ Нижній?“ съ лукавымъ добродушіемъ закидываетъ вопросъ добрый старецъ, зная, что при одной мысли о свиданіи съ нимъ у его друга внезапно навернутся на глаза горячія слезы умиленія.

И Щепкинъ продолжаетъ далѣе, что поѣхать онъ желаетъ къ другу не для того только, чтобы повидаться, а потому, что „поговорить бы о многомъ нужно: можетъ быть, моя старая голова навела бы и на твою голову добрую мысль“. Дѣйствительно, восторгъ и ликование Шевченка, получившаго радостную вѣсть о скоромъ пріѣздѣ Щепкина, были безмѣрны. „Я жду къ себѣ изъ Москвы“,—пишетъ онъ одному другу,—„дорогого гостя. И кого, вы бы думали, я такъ трепетно ожидаю? 70-лѣтняго знаменитаго старца и сердечнаго друга моего, М. С. Щепкина! Не правда ли, дорогой гость у меня будетъ? Да еще какой дорогой! единственный! И дѣйствительно, это единственный и счастливѣйшій человѣкъ между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свѣжесть нравственную! Это—явленіе необыкновенное. Мы не видались съ нимъ съ 1847 года, и такъ какъ мнѣ воспрещень вѣздъ въ столицы, то онъ, старецъ-юноша, несмотря на морозъ и вьюгу, ѣдетъ ко мнѣ единственно для того, чтобы поцѣловать меня! Не правда ли юноша? и какой сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моимъ старымъ гениальнымъ другомъ, и горжусь справедливо“.

Умѣя ласкать и нѣжно холить своихъ друзей, Щепкинъ умѣлъ ихъ и пожурить, если они своимъ поведеніемъ могли повредить себѣ же или своему доброму имени. Щепкинъ изъ себя вышелъ, когда узналъ отъ одного общаго знакомаго, что Шевченко, проводивъ своего друга изъ Нижняго, зацпль съ тоски. „Никакая пощечина“,—пишетъ онъ Шев-

ченку, — „меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья! Не щадишь ты себя, ни друзей своихъ. Не набрасывай *этого* на свою натуру и характеръ. Я *этого* не допускаю; человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взыщи за мои грубыя слова. *Дружба строга*; а ты самъ произвелъ меня въ друзья и потому пеняй на себя“.

Такимъ образомъ, Щепкинъ былъ для Шевченка какъ бы олицетвореніемъ голоса совѣсти. И это, быть можетъ, особенно и привлекало поэта къ нему, что такъ прекрасно и просто выражено у Шиллера, въ его двустихіи, озаглавленномъ „Порицатель“:

„Строго, какъ совѣсть моя, замѣчаешь во мнѣ ты ошибки;
„Я вѣдь за то и люблю такъ же, какъ совѣсть, тебя“.

Любя друзей, которыхъ у него было много какъ между великими людьми, такъ и между простыми смертными, окруженный всюду ореоломъ славы, Щепкинъ не былъ гордъ, не возносился передъ людьми, ниже его поставленными, но умѣлъ и о нихъ подумать, не забывая, что и онъ когда-то былъ простымъ крѣпостнымъ и всякаго горя навидался. Въ письмѣ къ Шевченку онъ поручаетъ поэту непременно пойти къ одному власть имущему лицу и попросить, чтобъ онъ обратилъ доброе вниманіе почтмейстера на маленькаго человѣка — на почтальона, везшаго Щепкина изъ Нижняго. „Доброе слово для маленькаго человѣка необходимо“, убѣждаетъ Щепкинъ.

VI.

Щепкинъ, какъ гражданинъ.—Его въра въ Россію.—Знаменитые рассказы и воспоминанія Щепкина.—Типы помѣщиковъ—крѣпостниковъ.—Праздникъ воли.—Щепкинскій бокаль.—19 февраля и „нынѣ отпущаеши“.—Кто ему родня?—Приближеніе конца.—Послѣднія обиды.—Горечь одиночества.—Измѣнчивость толпы.—Другъ—жена.—Ея сказочное прошлое.—„По щучьему велѣнію.“—Душа солдата.—Смерть на чужбинѣ.—Памятникъ.—
„Домъ Щепкина.“

Обнаруживая столь живую участливость къ отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, Щепкинъ не былъ равнодушенъ и къ общественнымъ вопросамъ. Онъ относился къ нимъ съ горячимъ интересомъ.

Съ горечью вспоминалъ онъ наканунѣ освобожденія крестьянъ о пережитомъ имъ времени безправія и самоуправства, господствовавшихъ на его глазахъ особенно въ двадцатые годы.

— Однако, я радуюсь,—утѣшалъ онъ себя и друзей, хваля наступающія новыя времена:—я наблюдаю, что все въ нравахъ и обычаяхъ общества понемногу улучшается и совершенствуется. Смотрите, развѣ теперь это сдѣлаетъ кто-нибудь. Вотъ то, что я сейчасъ расскажу, развѣ сдѣлаетъ кто-нибудь теперь, кромѣ сумасшедшаго или идиота какого-нибудь. Никто, конечно, такъ не поступитъ, а тогда подобныя изу-

вѣрства и издѣвательства надъ людьми были самымъ обычнымъ явленіемъ. Это называлось невинными шалостями.

И тутъ начинается одинъ изъ безчисленныхъ знаменитыхъ * рассказовъ Щепкина, которые всѣ такъ любили слушать, не проронивъ слова, затаивъ дыханіе.

Какой-то чудакъ изъ знатнаго рода построилъ шлагъ-баумъ на проѣзжей дорогѣ. Никто не смѣлъ проѣхать мимо его имѣнія, не явившись къ нему поклониться и представиться. Кто уклонялся, тому самоуправецъ дѣлалъ большой скандалъ, неприятности, наносилъ оскорбленіе.

— А что, папа,—спрашивалъ Щепкина при этомъ его рассказѣ одинъ изъ его сыновей,—скажи, папа, гоголевскіе типы Пѣтуха, Ивана съ Иваномъ Никифоровичемъ, Собакевича—не преувеличенія?

— Какое тамъ преувеличенія!—словно встряхнется въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Щепкинъ: какъ же, помилуйте, задѣли его любимца—самого Гоголя, этого писателя одной сплошной, голой правды!

— Гдѣ тамъ ты нашелъ преувеличенія? Да тамъ слишкомъ скромно, словно изъ боязни передъ упрекомъ въ карриатуризмъ, все выставлено, подернутое какой-то словно дымкой стыдливости. Помѣщичья лѣнь былой старины! какой тамъ старины! Оглянись кругомъ: многое ли изъ того, что у Гоголя изображено, исчезло? Ъда и питье, питье и ъда, и лежанье, и нагуливанье себѣ животовъ и тройныхъ, четверныхъ подбородковъ—картина, по тому времени, самая обыкновенная. Отъ такой сладкой и сонной жизни одинъ помѣщикъ, какъ сейчасъ помню его,

разжирѣлъ, раздобрѣлъ до того, что ужъ не могъ сидѣть за обѣденнымъ столомъ: такъ необъятна была его фигура! Онъ не могъ усѣсться за обѣденный столъ. Приборъ для него помѣщали всегда на его собственномъ, выдававшемся впередъ, обширномъ животѣ.

— Чего вы радуетесь?—спрашивали Щепкина старые помѣщики, державшіеся съ дѣтства крѣпостническихъ воззрѣній, воспитавшіеся на нихъ.

— А вотъ, скоро бѣднягамъ вольнѣе подышится.

— Смотрите, какъ бы не пришлось вамъ потомъ плакать изъ-за этихъ реформъ,—сказалъ ему въ Англійскомъ клубѣ одинъ генералъ:—крестьяне, на радостяхъ, чего добраго, больше запьянствуютъ и обнищаютъ въ конецъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство,—весело и добродушно отвѣчалъ Михаилъ Семеновичъ:—вы не бойтесь этого; повѣрьте мнѣ, не запьянствуютъ они, а, напротивъ, веселѣе работать станутъ. А вотъ я дѣйствительно, не пью, никогда ничего не пью. А зато, когда объявятъ освобожденіе крестьянъ,—ой, Господи, дожить бы только мнѣ!—я, такъ и быть, на этотъ разъ нарушу свой вѣковой обычай: отпраздную этотъ день и чокнусь съ друзьями, и выпью много-много бокаловъ!..

И, правда, онъ устроилъ у себя по случаю объявленія воли торжество.

— Праздникъ всероссійскаго крестьянства — всероссійскій праздникъ, — сказалъ онъ друзьямъ-гостямъ: — возликуемъ, возрадуемся всѣ!.. Гдѣ бокаль мой?

Ему подали какой-то, словно игрушечный, крохотный бокальчикъ.

— Вотъ видите, господа, — смѣялся онъ, — говорилъ я вамъ, что на пирушкѣ въ честь крестьянства я буду чокаться съ вами множество разъ и выпью бокаль за бокаломъ. Смотрите, я исполняю слово; ура! ура-а!

Онъ беретъ свой крошечный игрушечный хрустальный бокальчикъ и пьетъ бокаль за бокаломъ, выпивая ровно столько бокаловъ, сколько онъ предполагалъ выпить, когда обѣщалъ пріятелямъ, что въ день русской радости выпьетъ за русскій народъ опредѣленное количество бокаловъ.

Съ восторгомъ читалъ онъ проектъ Кавелина объ освобожденіи крестьянъ. Съ увлеченіемъ юноши слѣдилъ онъ за преобразованіями, которыя начались съ воцареніемъ Александра II. Манифестъ 19-го февраля встрѣченъ былъ чуднымъ старцемъ съ неподдѣльными, горячими слезами ликованія. Эти слезы вытекали изъ его горячей любви къ русскому крестьянину. Одушевленный этой любовью, онъ любилъ часто декламировать стихи, восхвалявшіе простаго труженника, изъ которыхъ приведемъ отрывокъ:

„Честь тому, кто глубь земли
„Тяжкимъ заступомъ копаеть;
„Кто трудами для семьи
„Хлѣбъ насущный добываетъ;
„Кто надъ плугомъ льетъ свой потъ;
„Кто слугой у господина
„Ношу тяжкую несетъ
„Для жены своей, для сына.

„Честь и слава ихъ трудамъ!

„Слава каждой капль пота...

„Честь мозолистымъ рукамъ...

„Да спорится ихъ работа!“

Самъ вышедшій изъ крестьянской среды, добрый старикъ много лѣтъ мечталъ объ освобожденіи этихъ тружениковъ земли русской. И вотъ добился!.. И теперь ему ужъ ничего, казалось бы, не оставалось сказать, какъ:—„Нынѣ отпускаеши“!..

Кротко и терпѣливо ждалъ онъ своего конца. Силы труженика падали съ каждымъ днемъ. А онъ все работалъ! Онъ говорилъ:

— Семья большая, надо трудиться, кормить ее. Семья его, вы помните,—не только семья его, но онъ называлъ такъ всѣхъ, кто только нуждался въ немъ, кого кормилъ онъ, кого пригрѣвалъ у себя въ домѣ, кому послѣднимъ рублемъ, кускомъ хлѣба, обѣдомъ, одеждой, мало-ли чѣмъ. Всѣмъ помогалъ этотъ другъ нуждающихся и обремененныхъ, никогда никому и ни въ чемъ не отказывавшій.

Онъ работалъ и утомлялся. Надломились силы, надо было ихъ подкрѣплять.

Надо было ѣздить отдыхать на югъ. А средства не позволяли отваживаться на такія поѣздки, требовавшія расходовъ.

Щепкинъ рѣшается ходатайствовать передъ высшею властью объ отпускѣ на лѣто въ Крымъ; просить при этомъ о пособіи. И о какомъ скромномъ пособіи: всего въ 500 рублей! Грустно подумать, какъ тяжело жилось на старости лѣтъ знаменитому, заслуженному русскому артисту, если у него не было

средствъ на поѣздки для возстановленія дряхлѣющаго организма!

Силы старца истощались отъ чрезмѣрной работы. Въ 70—75 лѣтъ онъ, не успѣвъ окончить свой театраль- ный сезонъ, долженъ былъ скорѣй спѣшить на арти- стическія поѣздки по провинціи: жалованья не хва- тало ему на содержаніе семьи съ присными.

И старецъ пускался въ длинныя поѣздки, утоми- тельныя и не для его возраста. Желѣзныхъ-то вѣдь дорогъ тогда не было. Эти пути сообщенія были скорѣе въ проектѣ, чѣмъ въ осуществленіи.

Его въ провинціи въ послѣдніе годы не узнавали, такъ онъ измѣнился: ослабѣлъ, осунулся. Голосъ, не- давно еще такой звучный, такой богатый нотами, сталъ глухой. Исчезла былая одушевленность. Тя- жель въ ногахъ, однообразіе и вялость въ движені- яхъ, малая подвижность въ лицѣ,—все это бросалось въ глаза зрителямъ театра, привыкшимъ видѣть въ геніальномъ актерѣ „силу гордую, доблесть царскую“...

Щепкинъ, бѣдный, преувеличивалъ благодушіе и снисходительность публики, когда въ письмѣ къ сыну выражалъ удивленіе передъ ея пристрастіемъ къ нему, какъ къ своему любимцу.

Онъ писалъ, помните, что стоитъ ему показаться на сценѣ, и она въ восторгѣ и радостно принимаетъ его, привѣтствуетъ громомъ аплодисментовъ.

Не тутъ-то было теперь. Чѣмъ холоднѣе игралъ ослабѣвшій силами артистъ, потерявшій пылкость юности, долго не покидавшую его, тѣмъ холоднѣе стала встрѣчать его и публика, эта мало благодарная, мало постоянная въ своихъ привязанностяхъ толпа.

Уменьшились сборы. Ухудшилось матеріальное положеніе Щепкина.

Поневолю пришлось прибѣгнуть къ просьбѣ о пособіи.

Пособіе ему назначено. Отпускъ разрѣшенъ.

— Слава Богу, слава Богу, помнятъ меня, цѣнятъ заслуги,—какъ ребенокъ, обрадовался старецъ, получивъ увѣдомленіе о согласіи государя на пособіе ему въ 500 рублей.

— Южный воздухъ укрѣпитъ мои силы, еще поработаю,—утѣшалъ онъ и себя, и своихъ домашнихъ.

Снарядился старецъ въ путь, ѣхалъ грустный. Тихо, про себя, не слышно ни для кого, онъ въ дорогѣ оплакивалъ свое одиночество. Но не жаловался на судьбу никому.

Останавливался въ разныхъ городахъ. Игралъ проѣздомъ въ театрахъ:—то тутъ, то тамъ: полученные имъ 500 рублей не покрывали всей его нужды и нужды тѣхъ, чьи потребности онъ считалъ своими.

А между тѣмъ, публика начинаетъ настойчиво требовать, чтобы теперешній Щепкинъ оставался прежнимъ, полнымъ силъ и вдохновенія, Щепкинымъ лучшихъ дней своего творчества. И, не видя его такимъ, высказываетъ не только разочарованіе, но и недовольство, зачѣмъ пріѣзжалъ.

— Дряхлый, 75-лѣтній артистъ напрасно трудился пріѣзжать,—брюзжали жестокіе театралы, недовольные игрой усталого актера.

Бѣдняга, онъ не сознавалъ, что время взяло свое,

что теперь ужъ онъ не тотъ, не прежній вдохновенный чародѣй-художникъ.

Давно-ли поклонники его генія рвались въ театръ смотрѣть на своего кумира, не скупясь на повышенную плату, а теперь, за отсутствіемъ зрителей, отмѣнялся спектакль,—да какой еще спектакль! Тотъ, въ которомъ Михаилъ Семеновичъ долженъ былъ выступить въ своей лучшей, въ своей „коронной“, какъ выражаются актеры, роли, въ „Горѣ отъ ума“, гдѣ онъ всегда сводилъ всѣхъ съ ума безпримѣрно тонкимъ и глубокоправдивымъ освѣщеніемъ личности Фамусова!..

Такъ все мѣняется въ этомъ измѣнчивомъ мірѣ.

И безъ этого больной, онъ упалъ духомъ. Со-всѣмъ ослабѣлъ. Испытывалъ тяжкія страданія, мучась одышкой и другими недугами.

Въ такомъ положеніи очутился онъ въ Крыму, въ Ялтѣ.

Безъ призора, безъ привѣта, одинокій и потерянный, онъ предался хандрѣ. Сталъ думать, что ужъ всѣ окончательно забыли и бросили его.

И грусть его, и тоска, да и самая болѣзнь—все словно разомъ рѣзко усилилось у Щепкина въ послѣдніе годы его жизни, благодаря постигнутому его непоправимому и страшному горю.

Онъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ годомъ потерялъ лучшаго друга, съ которымъ вмѣстѣ провелъ годы молодости и дожилъ до глубокой старости.

Этотъ другъ—жена его, Елена Дмитриевна.

Судьба ея удивительно причудливая. Она по происхожденію—турчанка. Когда въ войнѣ съ Турціей

взяли мы крѣпость Анапу, наши солдаты нашли брошеннаго, бережно укутаннаго въ одѣяло, младенца, которому было всего нѣсколько мѣсяцевъ.

— А вѣдь жаль ребенка, — сказалъ одинъ солдатъ: — хотя и турецкій, а все-таки же младенецъ, душа человѣчья, жаль его.

— Да и красавица же эта дѣвочка! — вскрикнулъ другой: — Господи, у меня въ деревнѣ маленькая дочурка осталась. Эхъ-ма! Жалость-то какая!..

И отеръ слезу, неожиданно навернувшуюся на глаза, солдатикъ, вспомнившій о милой дочуркѣ:

— Что-то съ ней тамъ? Жена-то давно померла, старуха-бабка осталась съ ребенкомъ, да и та, гляди, не нынче-завтра туда же уйдетъ.

— А вотъ что, ребятишки, — прервалъ эти думы вслухъ третій солдатикъ, — пожилой, съ добрымъ выраженіемъ въ лицѣ: — возьмемъ ребенка съ собой, а тамъ, въ первой деревнѣ, какая попадется на дорогѣ, пристроимъ ее въ какой ни на есть семьѣ.

Пожалѣли дѣвочку добрые молодцы, рѣшили не бросать ее.

Вѣсть о найденной солдатами маленькой красавицѣ-турчаночкѣ облетѣла весь полкъ, дошла и до генерала Чаликова.

— Я возьму ее на воспитаніе, — рѣшилъ генераль.

Турчанку окрестили въ христіанскую вѣру. Чаликовъ былъ воспріемнымъ отцомъ дѣвочки. Назвали ее Еленой.

Въ домѣ генерала она воспитывалась до 17 лѣтъ, училась вмѣстѣ съ генеральскими дочерьми.

Познакомился съ ней Щепкинъ, когда былъ акте-

ромъ въ Курскѣ. Ея рѣдкостная красота привела его съ перваго же взгляда въ восхищеніе: она была не только хороша, но и замѣчательно симпатична.

Въ свою очередь, и онъ ей понравился при первой же встрѣчѣ съ ней. И подружился съ ней. И задумалъ жениться на ней.

— Но, какъ я скажу,—мучился онъ, когда рѣшилъ сдѣлать ей предложеніе,—какъ рѣшусь ей сказать, что я—крѣпостной мужикъ графа Волькенштейна?

Долго онъ крѣпился, одолеваяемый сомнѣніями:

— Сказать или скрыть? А ну, какъ открою все, а она откажетъ отъ вѣнца?

А, вѣдь, онъ не на шутку задумалъ жениться на ней.

— Ну, какъ же мнѣ сказать, Господи? Страшно какъ!.. Если она при всей добротѣ окажется дѣвухой съ предрасудками? Что я буду дѣлать тогда? Какъ я съ такимъ горемъ буду жить?

Наконецъ, онъ рѣшился. Разказалъ о своемъ происхожденіи. Разказалъ интересныя свѣдѣнія изъ своего фамильнаго прошлаго.

Нѣкоторыя—и самыя существенныя изъ этихъ свѣдѣній—окажутся и для насъ новыми. Новыми и вмѣстѣ съ тѣмъ горькими картинами родной, слава Богу, отошедшей въ вѣчность, старины, крѣпостной старины.

— Родъ мой не совсѣмъ можно назвать крестьянскимъ,—говорилъ Щепкинъ, волнуясь, торопясь и, вслѣдствіе этого, запинаясь; попали мы „въ мужики“

совсѣмъ не по своей волѣ и не по своей винѣ; я, впрочемъ не горюю объ этомъ. Ну, мужикъ. Ну, пусть такъ. Честный крестьянинъ-работникъ былъ всю жизнь, въ барѣ нечего лѣзть и теперъ. Да мы барами, впрочемъ, и не были. Но мы были свободные: надъ нами не было „господъ“ и не было ничьего произвола. И это долго длилось. Знаю прекрасно, что прадедъ мой причислялся къ людямъ духовнаго происхожденія. Онъ былъ священникомъ. Дѣдъ учился въ семинаріи и тоже былъ, конечно, свободнымъ, не крѣпостного положенія, не крестьянинъ. Но у него было очень большое несчастье: онъ былъ талантливъ. Ахъ, знаете, бѣдному человѣку, да быть талантливымъ въ тѣ времена далеко не всегда было счастье. Жилъ въ нашихъ краяхъ, тамъ, гдѣ моя родина, гордый и властный помѣщикъ, графъ Волькенштейнъ. Онъ такъ былъ богатъ и знатенъ, что могъ кого угодно и подкупить деньгами, и обольстить угощеніями и лаской. Дошелъ до него слухъ, крестьяне рассказывали, да и помѣщики тоже:

— Ваше сіятельство, вотъ-то у поповскаго сына голосина оказался. Это что жъ такое! Соловей! прямо, что твой соловей, да на, поди...

Князь позвалъ голосистаго поповича къ себѣ, послушалъ, очаровался, а потомъ сдѣлалъ распоряженіе:

— Приписать этого семинариста къ моей землѣ! Пусть числится моимъ крѣпостнымъ.

Чиновники взяли перья, поскрипѣли, поскрипѣли да и вся недолга. И сталъ вольный человѣкъ въ одну минуту однимъ почеркомъ пера разжалованъ въ кре-

стьяне, сталъ собственностью барина графа Волькенштейна.

— Какъ же дѣдъ вашъ не пожаловался правительству, суду?—возмушалась Елена Дмитріевна:—это ужъ, дѣйствительно, по-турецки какъ-то, по нашему, выходитъ. На моей родинѣ, кажется, это самое обыкновенное, или, какъ русскіе крестьяне здѣсь иронически говорятъ, самое разлюбезное дѣло. Но у васъ въ Россіи,—Боже мой, Боже мой!.. Неужели же не было суда на такихъ несправедливыхъ людей?

— Въ тѣ-то времена? Помилуйте, какіе были тогда суды! — отвѣчалъ Щепкинъ: — тогда царило „слово и дѣло“. По одному хотѣнію, по одному капризу—ну, просто не понравился человѣкъ, его и драли, и сажали въ тюрьму, и держали сколько хотѣли. А то и хуже бывало... Ну, да что вспоминать. Прочтите хоть басни Крылова или Хемницера. Тамъ про старинные суды все есть. Полная характеристика. Замѣтите, суды, высмѣянные этими баснописцами, относились къ нѣскольکو болѣе позднему времени, и все-таки были полны злоупотребленій. Что же было, представьте себѣ, тогда, въ эпохи временщиковъ? Нѣтъ, дорогая Елена Дмитріевна, тутъ бѣдному судиться и помышлять нельзя было: „съ богатымъ не тягайся“, говорили всѣ тогда. И говорили справедливо.

— Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль бѣдненькій, бѣдненькій вы мой! — заплакала добрая дѣвушка, и вдругъ, оборвавъ горькія изліянія, сразу объявила, обнявъ шею искренняго человѣка, на лицѣ котораго было написано такъ много страданія:

— Ты мой избранникъ! Кто бы ты ни былъ, баринъ ли, крестьянинъ, купецъ,—для меня ты ни то, ни другое, ни третье: ты славный, славный мой другъ; мы оба—страдальцы, оба—одинокі душой, оба и будемъ нести крестъ жизни.

— А, можетъ, жизнь, рука объ руку съ этой подругой пошлетъ мнѣ и радости, и утѣхи?—мечталъ молодой артистъ, уже славившійся въ мѣстной округѣ, какъ новое восходящее свѣтило на довольно туманномъ небосклонѣ тогдашней провинціальной сцены.

— А родные у тебя есть гдѣ-нибудь, кромѣ тѣхъ, кто живетъ здѣсь и крестьянствуетъ? Есть родня отъ той линіи, которая не попала въ крѣпостные? — интересовалась Елена Дмитриевна, ставшая такъ просто и такъ быстро и внезапно счастливой невѣстой.

Счастливой!—Она стала чувствовать себя свѣтло, радостно, забывъ въ одинъ мигъ и уже надолго,—свою тоску, тоску одиночества, сиротства, кручину скорбной дѣвушки, заброшенной, можетъ, поневолѣ, невѣдомыми ею родителями на произволъ судьбы и очутившейся на чужедальной сторонѣ.

— Я имѣю объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія. У меня есть родня не крестьянская,—отвѣчалъ Щепкинъ.—А про дѣдушку-горемыку мнѣ не разъ, я помню, рассказывали, какъ онъ, ставъ крѣпостнымъ и безропотно неся свой крестъ, частенько то грустно, то съ благодушнымъ какимъ-то смѣхомъ, напѣвалъ пѣсенку, въ которой добрый молодецъ вспоминаетъ тамъ, какъ первый попавшійся баринъ, по щучьему

велѣнію, распорядился его участію, не спросясь его самого:

„Безъ меня меня женили!..“

Онъ говаривалъ моему батюшкѣ, что у него братъ живетъ себѣ на волѣ и довольно счастливъ въ своей семьѣ. Этотъ братъ—сельскій священникъ, гдѣ-то тамъ, въ Калужской губерніи.

Щепкинъ въ послѣдствіи, уже въ старости, частенько говаривалъ своимъ друзьямъ о роковой несправедливости, жертвой которой былъ и онъ, такъ же, какъ и дѣдъ его, изъ-за прихоти барина. Его бариномъ былъ правнукъ того самага графа-деспота. Новый Волькенштейнъ долго не сдавался на просьбы Михаила Семеновича и его отца, и его друзей—отпустить его на свободу.

— Эхъ, въ тѣ времена все было возможно сильному человѣку,—сообщилъ какъ-то Щепкинъ съ грустью въ голосъ юной родственницѣ своей, въ послѣдствіи написавшей объ этомъ съ нимъ разговорѣ, и вообще о немъ, свои воспоминанія.

Елена Дмитріевна лицомъ напоминала типъ грузинокъ. Черты лица ея, довольно правильныя, были не крупны и мягки. Темный цвѣтъ лица, черные волосы, черные глаза напоминали южный и даже восточный типъ, но она была турчанка, это она знала изъ хорошихъ источниковъ. Тѣ, кто ее нашелъ тогда, въ Анапѣ, говорили ей въ послѣдствіи, что они знали навѣрняка ея турецкое происхожденіе.

А вотъ, что случилось, когда она была уже за-

мужемъ и жила въ Москвѣ. Знакомая дама разска-
зывала ей:

— Братъ мой пріѣхалъ только что изъ Петер-
бурга. И рассказываетъ мнѣ новость: я, молъ, видѣлъ
какого-то знатнаго турка. Это оказался паша. Онъ
пріѣхалъ съ женой и взрослыми дѣтьми. Цѣль по-
ѣздки—искать дочь. Она у нихъ пропала при взятіи
Анапы. Ей и полугоду не было тогда.

— Какъ же паша ищетъ свою дочь?—живо заин-
тересовалась этимъ разговоромъ Елена Дмитріевна. И
даже, видимо, очень взволновалась.

— Жена паши обѣщала, говорятъ, большое вознагра-
жденіе тому, кто укажетъ, гдѣ бы можно было
найти дочь ея въ Россіи. Я слышала, — говорила
знатная турчанка, — дочь мою взяли, когда она была
младенцемъ, русскіе солдаты.

— А помнила ли жена паши, какія у дѣвочки
были примѣты, какая одежда была на ней?—спраши-
вала Елена Дмитріевна.

— Да, она объ этомъ говорила, какъ же. По-
стойте, сейчасъ припомню.

И дама вспомнила рядъ подробностей. Тѣхъ самыхъ,
какія рассказывали Еленѣ Дмитріевнѣ солдаты, зна-
вшіе эту исторію.

— Положительно, ищутъ, должно быть, меня, —
подумала тогда Елена Дмитріевна, но собесѣдницѣ
своей она ничего объ этомъ не сказала.

Она рѣшила:

— Если серьезно захотятъ найти, такъ найдутъ.
'Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, можетъ быть, это и
не я. Можетъ, другая какая дѣвочка, — почему я знаю?

Можетъ, и слухи эти какъ-нибудь преувеличены, раздуты. Кто ихъ знаетъ? Да мнѣ, наконецъ, и не удобно будетъ, пожалуй, явиться къ нимъ: какъ бы не вышло изъ этого какихъ-нибудь недоразумѣній, осложненій. Вдругъ, храни Богъ, истребуютъ родители меня къ себѣ домой, на родину, а Миша останется, бѣдный мой, одинъ одиноконекъ. А я-то, какъ востоскуюсь тогда! Батюшки мои! Вотъ-то буду слезы проливать! Нѣтъ, да быть этого не можетъ! А дѣти? А какъ безъ нихъ-то, милыхъ-то моихъ крошечекъ-сиротиночекъ проживу на своей, на турецкой, на чужой сторонѣ? Чужая она мнѣ теперь, совсѣмъ чужая, Богъ съ ней совсѣмъ. Я теперь русская. Русская—вѣрой, русская—духомъ, образомъ жизни—всѣми привязанностями, всѣми симпатіями, всѣмъ, всѣмъ... И обязана я моей милой родинѣ жизнью своею. Милые солдатики мои, спасители мои!.. Богъ да благословитъ васъ за добрыя ваши души, за ласку, за братнюю, отчую помощь!..

Вотъ на какой тихой и кроткой дѣвушкѣ женился Щепкинъ. И нѣжно, бережно долгіе, долгіе годы охраняла она его покой. Неусыпно, какъ за ребенкомъ ухаживала за нимъ.

Умерла она,—и точно струна оборвалась въ тонкомъ и хрупкомъ сердечномъ инструментѣ души Щепкина.

— И мнѣ пора,—сталъ онъ послѣ того часто повторять эти слова. И задумался. И недуги, уходомъ доброй старухи смягчавшіеся, стали теперь усиливаться, расти.

— И дожилъ вотъ до какой минуты,—скорбѣлъ

больной старецъ, лежа въ постели у чужихъ людей въ Крыму, далеко отъ любимой Москвы, этой второй его родины.—До такой минуты дожилъ, что и отсюда, изъ этого дома, гдѣ я только гощу, чужіе же опять люди вывезутъ меня,—не на вѣки же они меня, такую рухлядь, держать стануть. На что я имъ, нуженъ такой, хилый, дряхлый дѣдъ?

И, вправду; онъ отгадалъ свою участь. Чужіе люди, пріютившіе было его у себя въ домѣ, уже принялись раскаиваться, слыша стоны страдальца. Такъ называемый „гостепріимный хозяинъ“ сталъ, покачивая головою, размышлять:—Что мы съ нимъ тутъ будемъ дѣлать? Не свезти ли скорѣй, пока не поздно, въ больницу? А то, вѣдь, возни-то сколько бѣдетъ въ случаѣ, если... Тутъ онъ не договорилъ, а только прибавилъ: всѣ вѣдь мы подѣ Богомъ ходимъ.

Словомъ, крымскіе „друзья“ смалодушествовали. Не хотѣлось имъ наживать себѣ излишнія безпокойства и рѣшили отдѣлаться, „въ случаѣ, если что“...

Это значило:—„если старику станетъ хуже“.

А старикъ совсѣмъ такъ ужъ, безъ какой-бы то ни было борьбы, сдаваться въ руки смерти не хотѣлъ, не соглашался. Онъ слишкомъ былъ энергиченъ для этого. Правда, отчасти смерть тянула его къ себѣ: онъ жаждалъ успокоенія, хотѣлъ бы забыться и заснуть.

— Но нельзя забыться, нельзя заснуть,—съ волненіемъ, не въ первый ужъ, а въ сотый, въ тысячный разъ размышлялъ онъ, лежа на одрѣ болѣзни, — нельзя отдыхать, когда на рукахъ у тебя столько питомцевъ, юныхъ и старыхъ, больныхъ и безпомощныхъ,—нѣтъ, надо подтянуться.

И онъ подтягивался... И оправлялся по временамъ. И тогда ходилъ по дому, саду, по балкону, говорилъ, шутилъ, балагурилъ. Старину вспоминалъ, подчасъ декламировалъ.

Въ такія минуты,—минуты бодрости и оживленія,— онъ любилъ писать къ себѣ, въ Москву, утѣшительныя письма.

Не хотѣлъ огорчать онъ людей. Не любилъ беспокоить собой никого. Любилъ писать только пріятное.

— Ничего, ничего,— пишетъ онъ,—я чувствую себя совсѣмъ прилично. Чего жъ больше: читаю вслухъ. Да что читаю: пьесы Гоголя! И при томъ цѣликомъ! И ничего себѣ, особенной усталости не чувствую.

Преувеличивалъ, черезъ чуръ преувеличивалъ силы свои въ тѣ минуты больной Щепкинъ.

Разъ онъ, вотъ этакъ, читалъ вслухъ своимъ хозяевамъ комедію Гоголя. Сидѣлъ на террасѣ. Вечеромъ. Было сыро. Онъ простудился. Схватилъ сильный кашель. Усилилась и одышка, а она и безъ того черезъ-чуръ ужъ часто не давала ему покоя...

Болѣзнь принимаетъ опасный оборотъ. Печальная развязка приближается.

Черезъ нѣсколько дней безнадежно больного старца перевозятъ, какъ онъ и самъ того пожелалъ, изъ квартиры мнимыхъ „друзей“ въ гостиницу.

Настало роковое 11 августа 1863 г.

Никого близкихъ—около умирающаго!.. Каково было это ему, привыкшему къ большому обществу, къ толпѣ друзей, къ ласкѣ родныхъ!.. Даже нѣтъ, съ кѣмъ проститься.

Чужая, холодная рука закрыла холодныя очи чело-
вѣку, такъ тепло и отзывчиво относившемуся къ
людямъ, такъ беззавѣтно отдавшемуся святынѣ иску-
ства.

Тѣло усопшаго было привезено въ Москву, гдѣ и
погребено на Пятницкомъ кладбищѣ, 20 сентября.

Громадное стеченіе народа сопровождало похо-
ронную процессію. Гробъ съ прахомъ Щепкина былъ
опущенъ въ землю въ мѣстѣ, близкомъ къ могилѣ
его лучшаго друга, Грановскаго.

— „Ради Бога, молю похоронить меня по бли-
зости къ могилѣ друга моего и учителя моего Ти-
моѣя Николаевича“,—такъ говорилъ не разъ онъ
роднымъ и друзьямъ.

На его памятникѣ, изъ большого дикаго камня,
начертана надпись:

Михаилу Семеновичу Щепкину.

Артисту—человѣку.

Много глубокаго смысла въ этихъ двухъ, соеди-
ненныхъ вмѣстѣ, словахъ: „артисту—человѣку“.

Онъ былъ великъ, какъ артистъ. И великъ, какъ
человѣкъ. Не всякій великій артистъ достоинъ быть
названъ и великимъ человѣкомъ. А только тотъ, кто,
кромѣ искусства, умѣетъ съ честію служить человѣ-
честву—всѣмъ, всѣми силами своего духа: отзываться
на горе состраданіемъ, на нужду—помощью, на со-
мнѣніе—совѣтомъ. Кто умѣетъ любить все свѣтлое
и благородное, работать во славу родины и народа,
быть гражданиномъ земли родной, заступникомъ угне-
теннаго и другомъ правды и справедливости.

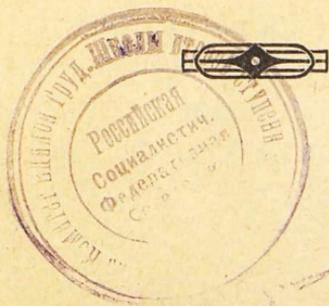
А таковъ былъ Щепкинъ по отзыву тѣхъ многихъ, многихъ людей, кто его хорошо и близко зналъ, кто съ нимъ часто встрѣчался, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. И только очень немногіе товарищи-соперники не долюбливали его. Но у кого, впрочемъ, не бывало враговъ? А особенно у артистовъ!

Были, конечно, недруги и у артиста-человѣка Михаила Семеновича Щепкина. Но онъ, однако, прощалъ своимъ врагамъ и любилъ ихъ, какъ всехъ людей.

Въ 1895 году въ городѣ, гдѣ Щепкинъ провелъ юность и учился, въ Суджѣ, мѣстные жители воздвигли ему памятникъ. На торжествѣ открытія памятника присутствовали и принимали въ немъ участіе лучшія силы того театра, гордостью котораго былъ Щепкинъ,—это артисты московскаго Малаго театра, который до сихъ поръ считается образцовымъ театромъ всей Россіи, за что и называютъ его всѣ, кто почитаетъ и этотъ театръ, и великаго Щепкина, великимъ и почетнымъ именемъ, заслуженнымъ этою сценою вполне.

Вотъ, какъ называютъ они великій московскій театръ, хотя официально и называютъ его Малымъ театромъ,—„Домъ Щепкина“.

Домъ Щепкина—Малый театръ потому, что все, что въ немъ есть хорошаго, идетъ отъ Щепкина.

Книгоиздательство Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молановка, д. № 18.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕИ.

I. А. С. ПУШКИНЪ.

А. С. ПУШКИНЪ. Чтеніе для школъ и народа. *Д. И. и Е. Н. Тихомировыхъ*: I. Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ? II. Изъ жизни А. С. Пушкина. III. Изъ сочиненій А. С. Пушкина. Изд. 14-е. Ц. 10 к.

— **Избранныя сочиненія** для дѣтей школьнаго возраста. Подъ ред. *Е. Н. Тихомировой*. Младшій возрастъ. Съ біографическимъ очеркомъ. Изд. 12-е. Ц. 30 к.

II. В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Жизнь и труды В. А. Жуковского. Чтеніе для школъ и народа. *Д. И. Тихомирова*. Съ портретами. 3-е изд. Ц. 10 к.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ:

Первый сборникъ. Сказки, басни и загадки. 3-е изд. Ц. 10 к.—**Второй сборникъ.** Сказанія, предавія и повѣсти. 2-ое изд. Ц. 7 к.—**Третій сборникъ.** Изъ жизни и природы. 2-ое изд. Ц. 4 к.

III. Н. В. ГОГОЛЬ.

О жизни Николая Васильевича Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. *Д. И. Тихомирова*. Съ портретомъ Гоголя, факсимиле и собственноручнымъ рисункомъ. Изд. 10-е. Ц. 10 к.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ:

Первый сборникъ. Содержаніе: I. Сорочинская ярмарка. II. Майская ночь или утопленница. III. Ночь подъ Рождество. IV. Днѣпръ. 3-е изд. Ц. 15 к.

Второй сборникъ. Содержаніе: I. Старосвѣтскіе помѣщики. II. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. III. Шинель. 3-е изд. Ц. 15 к.

Третій сборникъ. Содержаніе: I. Тарасъ Бульба. II. Жизнь. 2-е изд. Ц. 15 к.

IV. И. А. КРЫЛОВЪ.

Избранныя басни. Съ предисловіемъ *Д. И. Тихомирова*. 4-ое изд. Ц. 15 к. Съ портретомъ.

V. Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Чтеніе для школъ и народа. *Д. И. Тихомирова*. Пятое изданіе. Ц. 10 к.

VI. М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Стихотворенія, избранныя Д. И. Тихомировымъ. 3-е изд. Ц. 20 к.

VII. А. В. КОЛЬЦОВЪ, И. С. НИКИТИНЪ, Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Самородки—пѣвцы народной жизни. Сборникъ избранныхъ стихотвореній съ біографіями для семьи и школы, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. 2-е изд. Ц. 40 к.

IX. А. Н. МАЙКОВЪ и Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Біографіи и избранныя стихотворенія, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

X. А. К. ТОЛСТОЙ, А. А. ФЕТЬ и Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

Біографіи и избранныя стихотворенія, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. 2-е изд. Ц. 25 к.

XI. НАРОДОЛЮБЦЫ и СЛАВЯНОЛЮБЦЫ А. С. ХОМЯКОВЪ, И. С. и К. С. АКСАКОВЫ.

Біографіи и избранныя стихотворенія, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

XII. А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Біографія и избранныя стихотворенія, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

XIII. Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Сборникъ избранныхъ стихотвореній, съ біограф. очеркомъ поэта. Подъ ред. Д. И. Тихомирова. Ц. 12 к.

XIV. И. С. НИКИТИНЪ.

Сборникъ избранныхъ стихотвореній, съ біограф. очеркомъ поэта. Подъ редакц. Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

Кулакъ. Ц. 15 к. Жена ямщика. Ц. 1 к. Моленіе о чашѣ. Ц. 1 к.

XV. Л. А. М Е Й.

Сборникъ избранныхъ стихотвореній, съ біограф. очеркомъ поэта. Подъ редакц. Д. И. Тихомирова. Ц. 10 к.

Библейскія стихотворенія. Ц. 5 к.

Изъ духовнаго міра. Ц. 5 к.

XVI.

Изъ недалекаго прошлаго. Сборникъ стихотвореній Жемчужникова, Фофанова, Жадовской, Сурикова, Бергъ, Величко и друг. Съ портретами и біографіями. Ц. 15 к.

Книгоиздательство Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

ЕРМИЛОВЪ, В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Биографическій очеркъ. Съ двумя портретами. 4-е изд., исправленное и дополненное. Ц. 40 к. Гл. У. В. У. З. одобрена для ротныхъ библ. кадет. корп. («П. Сб.» № 4, 98), а также допущена для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. город., по Полож. 1872 г., учил. и въ бесплатн. нар. чит. и библ. (Отн. № 36351, отъ 29 декабря, 1910 г.).

— Юность Добролюбова. Съ рис. худож. А. Ансита. Ц. 30 к.

— Гордость вѣка. (Н. П. Новиковъ). Биографическій очеркъ Съ портр. и 2 рис. Ц. 15 к.

— Отъ лакейской до дворцовыхъ палатъ. Разсказъ о дѣтствѣ и юности великаго артиста и человѣка М. С. Щепкина. Съ рис. Ц. 45 к.

— Нашъ родной учитель. (К. Д. Ушинскій). Съ портретомъ. 3-е изд., исправл. и допол. Ц. 30 к. Гл. Упр. В. У. Завед. книга рекомендована для приобрѣтенія въ библ. кадетскихъ корп. для чтенія кадетамъ III, IV и V классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1911 г.).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Отдѣломъ Ученаго Комитета по начальному образованію Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки высшихъ начальныхъ училищъ.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

бесплатныхъ приложений.

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ бібліотекъ и бесплатныхъ народныхъ читателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ 4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ 5 р. — к.
Съ достав. и пересылк. на годъ. . 5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ. . . 6 » — »
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года. 3 » 50 »	Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года 3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года. . 3 » 75 »	Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года. . 4 » 50 »
Безъ доставки. . . на $\frac{1}{2}$ года. . 2 » 25 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года. . 2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года. . 2 » 50 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года. . 3 » — »
Безъ доставки. . . на $\frac{1}{4}$ года. . 1 » 15 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года. . 1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года. . 1 » 25 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года. . 1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССИИ“) **ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.**

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За перемену адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., $\frac{1}{2}$ стран.—20 руб.

Редакторъ-Издательница *Е. Н. Тихомирова.*

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 18. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства *Е. Н. Тихомировой* высылается бесплатно.

В Отдел Сборов

Ж. Д.

На ваш запрос объясняю.....

